

ПЕРВЫЙ РАБФАК
В
СССР

СБОРНИК

*



1

9

2

9

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЕРВЫЙ РАБФАК В СССР

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ РАБФАКА им. АРТЕМА

ПРИ ИНСТИТУТЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

им. В. ПЛЕХАНОВА

и
МОСКОВСКОЙ ГОРНОЙ
АКАДЕМИИ

1919 — 1929

СБОРНИК

С предисловием Арт. ХАЛАТОВА

*

1 9 2 9

Рабфак им. Артема при Институте Народного Хозяйства
им. Плеханова и Московской Горной Академии

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

*Дорогому
Сергею Алексеевичу
от старейшей рабфаки
Москва 14 янв 1929
Директору*



А1Ф

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Пролетариат, сбросив с себя гнет капитализма и разметав в стране остатки сословно-феодалного государственного порядка, завоевал для себя прежде всего право на образование.

В октябре 1917 года рабочие бурным штурмом взяли одну из главных крепостей дворянско-буржуазного общества — высшую школу... Но сразу войти в высшую школу они не смогли, так как не имели необходимой подготовки.

Чтобы войти в высшую школу, овладеть ею, овладеть теми знаниями, которые раньше школа давала только отпрыскам дворянства и буржуазии, пролетариату необходимо было свое победоносное шествие на этом пути закрепить.

Рабочие факультеты явились этими подступами для пролетариата в деле планомерного завоевания им высшей школы.

Здесь, на рабфаке, он получал и получает ту необходимую закалку в учебе, которая ему была необходима в его дальнейшей работе в высшей школе.

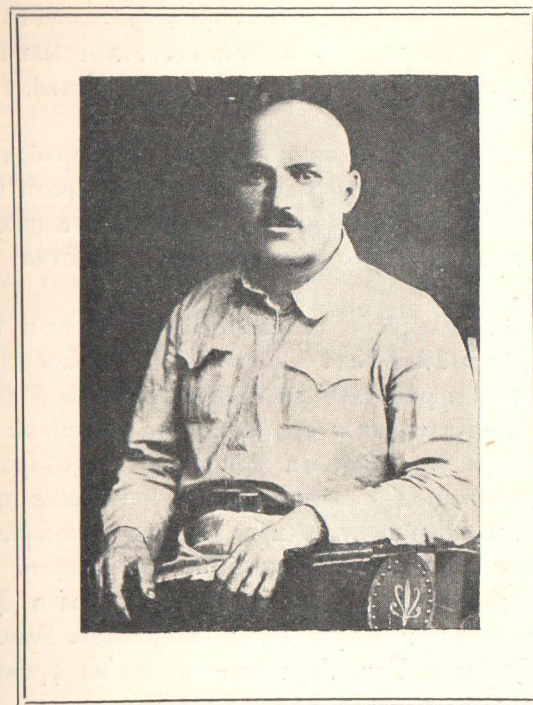
Первый рабфак был организован в трудных условиях десять лет тому назад — 2 февраля 1918 года — замоскворецкими пролетариями... Как и революция в целом, овладение высшей школы производилось, конечно, не в „белых перчатках...“ Условия тогдашнего времени диктовали методы борьбы за школу.

О том, насколько был труден путь рабочих по овладению высшей школы, сколько требовалось смелости, отваги и, главное, веры в свои собственные творческие силы,— читатель узнает из воспоминаний инициаторов создания рабфаков и самих рабфаковцев,— воспоминаний, собранных в этом сборнике, выпускаемом к десятилетию существования первого в СССР рабфака. Художественная ценность этих очерков воспоминаний, нужно прямо сказать, не высока. Но дело не в художественной их ценности, а в той социальной значимости, какая в них имеется, особенно для новых кадров нашей рабочей и крестьянской молодежи, все больше и больше вливающейся в стены рабфаков. Пусть наша молодежь, вступающая сейчас в стены высшей школы, вспомнит о трудностях в деле борьбы за советскую высшую школу, — трудностях, выпавших на долю их старших товарищей.

Этот сборник — один из документов, еще раз наглядно показывающий жизненно-кровную связь советской школы с Октябрьской революцией и советской властью. Рабфак — это в полном смысле „плоть от плоти и кость от костей“ пролетарской революции... Пусть же те, кто сейчас имеет возможность учиться в высшей школе, ни на минуту не забывает, что рабочий класс и советская власть с нетерпением ждут их вооруженными знаниями на стройку первого в мире пролетарского государства...

Арт. Халатов.

1 марта 1929 г.



ТОВ. АРТЕМ (Федор Андреевич Сергеев) родился в семье крестьянина 7 марта 1883 г. в селе Глебова Курской губернии. Там прошло его детство. Затем семья переселилась в Екатеринослав, где и начинается его сознательная жизнь, полная ярких примеров того, как нужно бороться за дело рабочего класса.

Уже в 1902 г., будучи студентом МВТУ, т. Артем подвергается аресту и тюремному заключению за участие в демонстрациях.

Во время революции 1905 г.— он на партработе в Харькове. С 1906 г.— на Урале, до ареста в 1908 году, после которого следуют 2 года „предварительного“ заключения, суд и ссылка на поселение. Из ссылки он бежит в августе 1910 года, через Японию и Китай, в Австралию.

В Австралии, существуя трудом чернорабочего, он организует русских эмигрантов и создает среди них партийную ячейку. В Брисбэне он основывает социалистическую организацию местных рабочих и работает там до 1917 года.

После февральского переворота т. Артем едет на родину. В мае 1917 года — он во главе харьковских большевиков, где и работает до победы советской власти.

Появление Каледина и его нажим на Донецкий бассейн заставляют и т. Артема броситься на оборону Донбасса. Однако, под напором немцев и казаков пришлось отступить к Царицыну, откуда Артем командирован ЦК на Кавказ для организации доставки нефти.

После освобождения Украины т. Артем в Донбассе восстанавливает угольную промышленность. Работу прерывает Деникин. Тов. Артем — снова на фронте, пока тиф не сваливает его...

После болезни т. Артем работает в Башкирии, затем едет за границу с делегацией русских профсоюзов. По возвращении из-за границы т. Артем принимает активное участие в работе союза горняков и Профинтерна, пока трагическая смерть не оборвала его кипучей жизни.

Погиб т. Артем при следующих обстоятельствах.

Группа делегатов Профинтерна в сопровождении т. Артема отправилась в Подмосковский угольный район, чтобы на месте познакомиться с тем, как подмосковные горняки восстанавливают производство. Поездку совершали в аэровагоне, изобретенном инж. Абаковским.

На обратном пути, в 6 ч. 35 м. вечера 24 июля 1921 г., на 104 версте от Москвы, аэровагон на полном ходу сошел с рельс и разбился. Тов. Артем погиб вместе с изобретателем Абаковским и пятью делегатами.

Пролетариат любил, ценил и не забудет т. Артема. Доказательством этого служат переименование гор. Бахмута в Артемовск и создание памятника ему в городе его имени.

Организованный в 1921 году рабфак при Московской горной академии носит имя вождя горняцких масс.

В 1927 году произошло слияние с ним рабфака имени Плеханова, и на общем собрании студентов было постановлено назвать объединенный рабфак именем Артема.

★

★

★



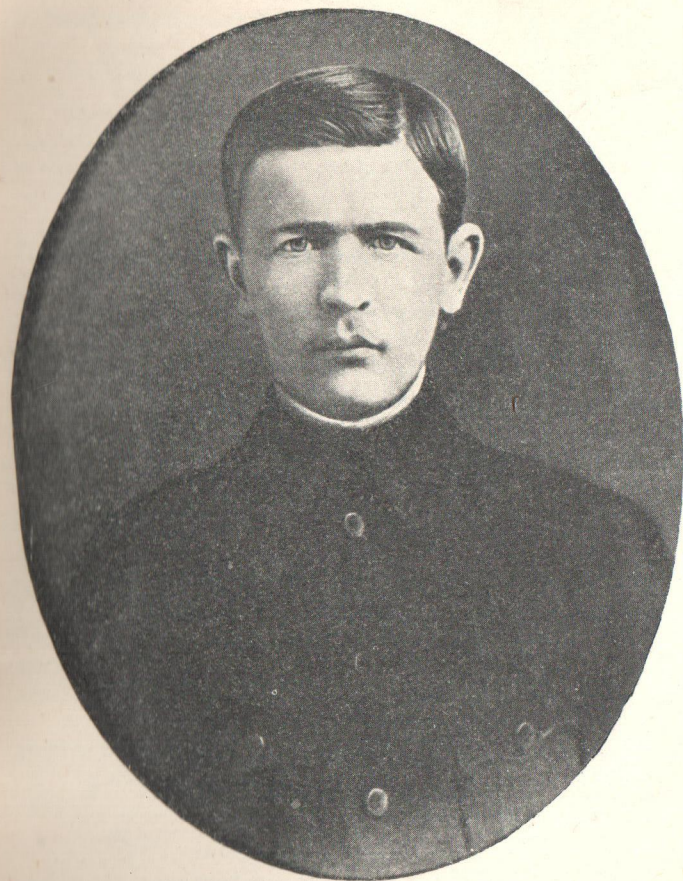
Записка лиц на курсы
Коммерческого Института

Декабрь 1918 г.

1. Апаков Петр 7425
2. Иван Калмыков 7426
3. Павел Парамонов 7427
5. Михаил Никитин 7428

Председатель (подпись)

★



ТОВ. АПАКОВ

Один из первых рабфаковцев. (Его именем назван Замоскворецкий трампарк.) Убит в восстании в марте в 1920 г. под Бузульмой.

пр.554 п.4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
О РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТАХ .

С О В Е Т Н А Р О Д Н Ы Х К О М И С С А Р О В П О С Т А Н О В И Л :

- 1.Основной задачей Рабочих Факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены Высшей Школы .
- 2.Учебные планы, программы и метод преподавания на Рабочих Факультетах вырабатываются Наркомпросом по соглашению с ВСНХ таким образом, чтобы ознакомить слушателей с научным методом исследования и дать им достаточный запас знаний для успешной работы в одном из Высших Учебных Заведений, подготавливающих необходимых Республике специалистов.
- 3.На Рабочие Факультеты принимаются рабочие и крестьяне от 16-ти лет, делегированные производственными Соезами, Фабрично-Заводскими Комитетами, партийными отделами работы в деревне, Волостными, Уездными и Губернскими Исполкомами, а также поступающие добровольно при условии представления рекомендации от Народных Комиссариатов или их местных органов или от какой-либо ~~иной~~ из указанных выше организаций.

ПРИМЕЧАНИЕ: Прием на Рабочие Факультеты производится по особой инструкции, вырабатываемой Наркомпросом.

- 4.Количество слушателей, ежегодно подлежащих приему на Рабочие Факультеты Республики, определяется Наркомпросом по соглашению с Главом Труда и В.С.Н.Х.
- 5.Все производственные Соезы по соглашению с хозяйствующими органами и Главкомтрудом ежегодно делегируют на Рабочие Факультеты определенное количество слушателей из состава своих членов с полным освобождением делегированных от работы в производстве на все время пребывания их на Рабочем Факультете.
- 6.Принятые слушатели несут учебную повинность со строжайшим контролем над занятиями на основании особых правил, устанавливаемых Наркомпросом по соглашению с Главкомтрудом.

Председатель Совета Народных Комиссаров:

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров:

Секретарь:

Москва, Кремль

17-го сентября 1920 года

ОТЪ КАНЦЕЛЯРИЮ МОСКОВСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

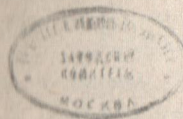
ОТЪ РАБОЧИХЪ ЗАВОДА БР.БРОМЛЕЙ.

П Р О Ш Е Н И Е .

Мы, нижеподписавшиеся рабочие завода Братьевъ БроMLEЙ просимъ зачислить въ число слушателей Московскаго Коммерческаго Института на Экономическое Отдѣленіе.

- ✓ СУВИРОВЪ Я. 6479 *участокъ Бронки*
- ✓ ПЕТРОВЪ С.П. 6480
- ✓ ЖЛАНОВЪ М. 6481
- ✓ МЕРГОВЪ А.М. 6482
- ✓ ~~БЕЛОВЪ~~ *БЕЛОВЪ* И.П. 6483 *не имѣетъ членства?*
- ✓ БУРДАЧЕВЪ И.Р. 6484 *членъ Бронки?*
- ✓ ТРАВОВСКІЙ Я.В. 6485 *членъ Бронки?*

27-го ноября 1918 года.



Всѣмъ членамъ надлежитъ
имѣть въ виду, что

Председатель *Трудов*
Секретарь *Воропа*

Исполнительный Рабочий Комитетъ

Секретарь *Колосовъ*



Материалы, представленные Предметной комиссией, не помещены в сборник вследствие изменения характера самого сборника и сокращения его объема. В обработке материалов принимали участие рабфаковцы: тт. Юриков, Голубков, Пономарев и Фролов. Фото-снимки сделаны рабфаковцем т. Моисеевым.



В день десятилетия основания рабфаков шлем горячий привет товарищам, взявшим на себя ответственную задачу быть красными командирами нашего хозяйства и нашей промышленности. Хотим надеяться, что студенты рабфаков, вузов и втузов будут в первых рядах по успеваемости в науке. Мы знаем, что этот путь тяжел, но дело строительства социалистического государства требует этого. Смело в путь, вперед к науке!

Группа рабочих 1-й Механич. мастерской
„ЗАВОД КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“.



Рабфаки — детище Октябрьской революции. Они — могучее оружие просвещения и подготовки новых рабочих кадров социалистического строительства.

В годовщину десятилетия рабфака имени Артема шлю горячий привет его слушателям и преподавателям от МК ВКП (б).

Секретарь МК ВКП(б) К. БАУМАН.



В день десятилетия рабфака имени Артема Замоскворецкий районный комитет ВКП(б) шлет свой товарищеский привет слушателям и преподавателям и выражает от имени Замоскворецкой партийной организации, а также рабочих масс района радость по поводу успехов в деле рабочего образования.

Рабфак, созданный в бурные годы революции и гражданской войны, волей рабочих Замоскворечья, их стремлением к знанию и науке, выпустил сотни сознательных и подготовленных пролетариев для дела социалистического строительства.

Рабфак давал знания и подготовку лучшей передовой нашей пролетарской и крестьянской молодежи, идущей к науке прямо от станка и сохи. В этом его величайшее значение.

Районный комитет ВКП(б), оказывая в прошлой работе посильную помощь рабфаку, будет всемерно содействовать дальнейшему развитию и укреплению вашего рабфака.

С ком. приветом.

Зам. секретаря Райкома ВКП(б)

КУЗНЕЦОВ.



ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

От имени Культкомиссии и рабочих 1-й ситце-набивной фабрики шлю вам свой пламенный привет в день десятилетия рабфака имени Артема. Мы, рабочие, уверены в том, что наша молодежь, находящаяся в вашем рабфаке в количестве 25 человек, оправдает доверие, которое им оказано. В любое время они смогут заменить старых спецов, заменят тех, которые вредят делу развития промышленности.

Мы также уверены, что наша молодежь, находясь в стенах рабфака, в трудный момент для нашей страны, при первом зове нашего правительства, заменит книгу винтовкой и встанет в ряды Красной армии.

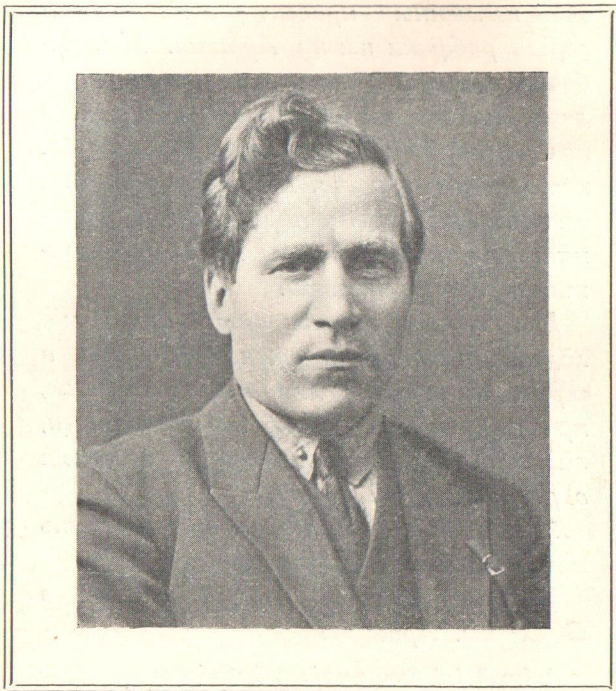
Желаем и в дальнейшем воспитывать нашу молодежь в пролетарском духе.

Да здравствует первый рабфак в СССР им. Артема!

Рабочий 1-й ситце-набивной фабрики

В. ГОРОХОВСКИЙ.





С. ШВЕДОВ

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА

Десять лет назад, 2 февраля 1919 г. пролетариат Замоскворечья, под руководством районной большевистской организации, опирающейся на маленькую группу студентов-коммунистов бывш. Коммерческого института,

впервые организовал рабочий факультет, как особую, нигде и никогда невиданную форму массового приобщения пролетариата и крестьянской бедноты к высшему образованию.

Тяга пролетариата и основной массы крестьянства к знанию прорвалась сразу же после Октября. К началу первого советского учебного года (2/VIII 1918 г.) Совет народных комиссаров издает декрет о праве всех трудящихся, независимо от образовательного ценза, на поступление во все высшие учебные заведения.



ПРЕЗИДИУМ РАБФАКА

Задача, стоявшая перед рабочим классом, — овладеть высшей школой, чтобы использовать достижения науки и техники для строительства пролетарского государства, — эта задача была блестяще разрешена рабочими Замоскворечья, которые, вступив в число студентов бывш. Коммерческого института, потребовали организации специального факультета для рабочих сразу же, как только убедились, что слушание обычных курсов Института для них недоступно.



„Непосредственным поводом (толчком) к вступлению рабочих в стены Коммерческого института,— читаем мы в первом отчете рабфака,— послужила та ожесточенная борьба, которая велась там между сравнительно небольшой группой коммунистического студенчества и подавляющим большинством старого мелкобуржуазного студенчества. Коммунисты, во главе с представителем Замоскворецкой районной партийной организации т. Тэром, не имея никакой опоры в Институте для осуществления своих идей, пользуясь декретом о приеме в вузы, повели агитацию по фабрикам и заводам за вступление рабочих в Коммерческий институт“.

Вскоре тысячный отряд рабочих шумным потоком влился в стены Института. Опираясь на этот отряд, студенты-коммунисты захватили в свои руки все органы управления Институтом, провели некоторые реформы учебных планов и преподавания, переименовав и самый Институт из Коммерческого в Институт народного хозяйства имени К. Маркса.

На заседании „коалиционного“ старостата, в состав которого вошли 8 представителей нового рабочего студенчества, было постановлено: 1) „организовать новый факультет со всеми правами двух основных факультетов Института, причем управление факультетом организовать по классовому принципу, привлекая к этому делу представителей профсоюзов“; 2) „просить совет профессоров организовать комиссию по организации рабочего факультета и выработке учебного плана; ввести 2 своих представителей в комиссию профессоров для защиты точки зрения старостата“.

В этой „комиссии профессоров“ профессора долго спорили по поводу того, что рабочие не подготовлены для занятий, а поэтому для них нужно организовать обычные курсы при Институте. Но представители пролетарского

студенчества решительно и настойчиво защищали права рабочих на высшую школу.

Не достигши соглашения, представители студентов пошлн за помощью в Наркомпрос. Здесь они встретили самое живейшее участие и настоящую помощь в лице Мих. Ник. Покровского. Мих. Ник. сразу оценил всю грандиозность и общественно-политическую значимость идеи рабочих Замоскворечья и тут же взял на себя трудную задачу — проведение в жизнь этой идеи.

В дальнейшем этой же комиссией опять-таки под непосредственным руководством М. Н. Покровского были выработаны учебный план (утвержден 19 января 1919 г.) рабфака и примерные программы на первый триместр.

Новое рабочее студенчество приступило к академической работе.

2 февраля 1919 г. в Плехановской аудитории теперешнего ИНХ им. Плеханова состоялось официальное торжественное открытие первого рабфака под председательством его „крестного отца“ Михаила Николаевича Покровского.

Перед первым рабочим факультетом стояла трудная задача.

Эта задача в докладной записке его первого председателя профессора Д. М. Генкина была намечена таким образом: „Рабочий факультет берет на себя двоякую задачу. С одной стороны, он имеет самостоятельные задания, давая законченный круг знаний и подготавливая из своих слушателей — рабочих, как деятелей в области социально-экономического строительства, так и техников. С другой стороны, он является подготовительной ступенью для перехода рабочих в самый Институт с целью получить законченное высшее образование“.

Первые рабфаковцы не порывали и не хотели порывать своей связи с производством, продолжали работать на фабриках и заводах и потому могли учиться только вечером и в праздничные дни.

Первый рабочий факультет был организован с двумя отделениями — экономическим и техническим — и был рассчитан на три месяца.

Этим определились учебный план обоих отделений и объем отдельных предметов.

Первый учебный план первого рабочего факультета представляет из себя большой исторический интерес.

Из-за ограниченности места приводим только выдержки из этого учебного плана.

I. Общий цикл экономического отделения.

1. Введение в изучение экономических наук (основные начала политической экономии) . . .	24 ч.
2. Экономическая география	20 „
3. История хозяйственного быта и культуры . . .	20 „
4. Мировое хозяйство (империализм) и внешняя торговая политика	20 „
5. Учение о государственном и местном хозяйстве (финансы)	20 „
6. Эволюция правовых институтов	16 „
7. Обзор советского законодательства	16 „
8. История России в XIX веке	20 „
9. Социализм и история социалистической мысли . . .	20 „
10. История Французской революции и история Западной Европы	20 „
11. Основы социалистического хозяйства	12 „

208 ч.

Кроме общего цикла экономическое отделение рабфака имело следующие специальные циклы: кооперативный, рабочего вопроса, сельскохозяйственный, промышленный и счетно-финансовый.

В качестве образчика учебных планов специальных циклов приводим учебный план промышленного цикла:

1. Экономика промышленности.
2. Энциклопедия промышленности.
3. Организация промышленных предприятий.
4. Товароведение.
5. Счетоводство.
6. Промышленная статистика.
7. Промышленная гигиена.
8. Кожевенная промышленность.
9. Текстильная промышленность.
10. Металлургическая и металлообрабатывающая промышленность.
11. Торгово-промышленное законодательство.
12. Рабочий договор.
13. Законодательство по охране труда.
14. Охрана от несчастных случаев.

II. Техническое отделение.

Техническое отделение рабфака, как и экономическое, должно было организовать общий подготовительный триместр, который дал бы студентам ряд важнейших общеобразовательных дисциплин. Таковы были: физика, химия, некоторые из отделов элементарной математики и др. Проработка их считалась необязательной.

Кроме общего отдела техническое отделение рабфака имело еще три специальных отдела: электротехнический, химико-технический и металлообрабатывающей промышленности.

В качестве примера приводим учебный план электротехнического отдела технического отделения рабфака.

1. Общая электротехника 4 часа
2. Семинарий по общей электротехнике 2 „

3. Электрическое оборудование фабрик и заводов 2 часа
(Описательный курс современных достижений в этой области. Освещение с точки зрения экономики.)
4. Общая электротехническая лаборатория 6 часов
(Проверка на опыте основных законов. Изучение и исследование рабочего процесса, машин и аппаратов. Контроль работы машин.)

Из анализа учебного плана первого периода рабфака видно, что рабочий факультет этого периода своего существования, строго говоря, рабочим факультетом не являлся. Скорее он напоминал современный рабочий университет.

Жизнь настойчиво твердила, что трехмесячный срок обучения и отсутствие у студентов-рабочих предварительной общеобразовательной подготовки могут окончательно провалить, дискредитировать идею рабочего образования, идею завоевания пролетариатом высшей школы. Новые студенты-рабочие видели это и настойчиво требовали и удлинения срока и усиления общеобразовательной базы на рабфаке.

Организационный комитет решает удлинить срок обучения до 6 месяцев, а на электротехническом отделении — до 9 месяцев.

Также решено было организовать подготовительные курсы при рабфаке, которые ставили своей задачей „обновить имевшиеся у слушателей знания и довести их до уровня, необходимого для занятий на рабочем факультете, чтобы создать для рабочих нормальные условия работы на рабочем факультете“.

Проще говоря — зарождался „снизу“ тот настоящий рабфак, которому и суждено было сыграть роль „подступа“ для завоевания пролетариатом высшей школы.

С организацией подготовительных курсов было положено основание общеобразовательному отделению ра-

бочего факультета, которые в дальнейшем в своем развитии и оформляются в настоящий рабочий факультет.

К началу нового 1920/21 года перед рабочим факультетом во весь рост ставится задача — дать студентам общеобразовательную подготовку, достаточную для поступления в любой вуз. Таковы были требования жизни и студентов-рабочих.

Происходит дальнейшее более решительное расширение общеобразовательной базы. Общеобразовательные курсы рабфака реорганизуются в особое отделение под названием: „общий цикл рабочего факультета“.

Учебный план „общего цикла“ был рассчитан на четыре семестра (2 года).

Можно с уверенностью сказать, что Рабочий факультет при Институте народного хозяйства, — читаем мы в отчете, — как организованная школа начал жить лишь со времени открытия „общего цикла“: он образовал тот стержень, вокруг которого ритмически задвигалась слишком разнообразная, спорадическая — иначе, пожалуй, случайная просветительная работа, носившая до того наименование „Рабочий факультет“.

Опыт работы первого рабфака был учтен в дальнейшей политике Наркомпроса по строительству рабфаков.

Осенью 1920 года (17 сентября) Совет народных комиссаров постановил: считать основной задачей рабочих факультетов „широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы“.

Командируемые на рабфак согласно этому декрету совершенно освобождались от работы в производствах, а их учебные занятия на рабфаке рассматривались как трудовая повинность.

С этого момента (январь 1921 г.) начинается новый период в жизни рабочего факультета: открывается дневное отделение, исключительно общеобразовательного харак-

тера, с двухгодичным сроком обучения (не считая подготовительного отделения). Это дневное отделение рабфака, естественно, становится уже в центре внимания.

Так постепенно первый рабфак все больше и больше превращался в общеобразовательную школу особого типа, задача которой — быстро готовить в вузы и втузы рабочих от станка и крестьян от сохи.

Организационный и программно-методический путь, пройденный нашим рабфаком-первенцем за истекшие десять лет, является живой историей исканий всех рабфаков нашего Советского Союза в вопросах целевой установки, организационных форм, программ и методов учебной работы.

Опыт нашего рабфака с жадностью впитывали в себя другие рабфаки и распространяли этот опыт по всему Советскому Союзу. В частности, этим опытом рабфака-пионера пользовался с самого своего зарождения и до слияния и горняцкий рабфак имени Артема при Московской горной академии.

История горняцкого рабфака имени Артема поучительна в другом отношении. Этот рабфак возник и вырос в хорошо сколоченную, крепкую школу по инициативе и при постоянной горячей поддержке организованных горняцких масс и молодой, выросшей после Октябрьской революции, Московской горной академии.

К началу 1927/28 учебного года оба рабфака — рабфак-пионер и рабфак горняцкий — слились в единый, мощный (и по численности студенческого состава, и по составу преподавателей, и по оборудованию учебно-вспомогательных учреждений) рабочий факультет, которому присвоено имя т. Артема, покойного вождя горняцких масс Советского Союза.

Трудностей на пути обоих слившихся рабфаков было очень много, но главные из них уже позади.

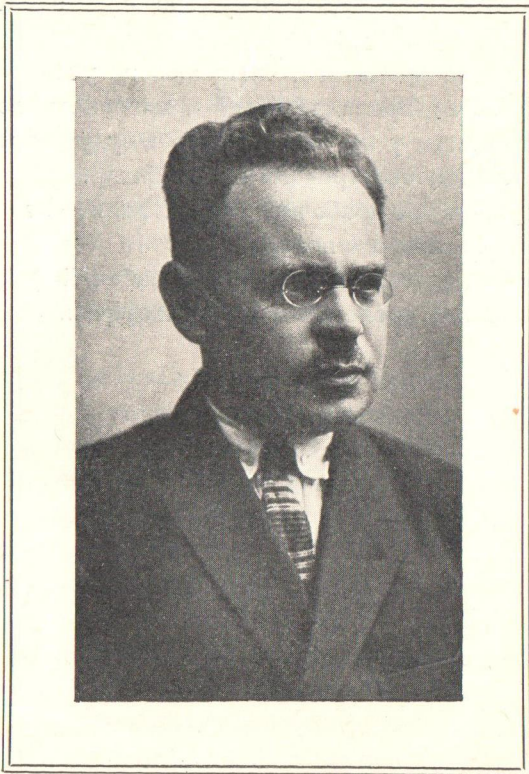
За истекшее время обоими нашими рабфаками выпущено в вузы (главным образом технические) 1521 человек. В этом году будет выпущено еще около 240 человек.

В настоящее время состояние нашего учебного оборудования, состав преподавателей и материальное положение студенчества у нас таковы, что в будущее мы можем смотреть смело, без тревоги и колебаний.

Да здравствуют рабочие факультеты — это великое завоевание великого Октября!

Да здравствуют наш старейший рабочий факультет и его строители — пролетарии Замоскворечья!

★



К. ОСТРОВИТЯНОВ

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО РАБФАКА И „СТОЛОВЦЫ“

Рабочий класс, в результате октябрьской победы пришедший к власти, рано или поздно должен был поставить перед собой задачу завоевания высшей школы. Поэтому неудивительно, что возникновение первого рабфака

давал толчок к массовому стихийному походу рабочих на завоевание подступов к высшей школе. Пионерами этого огромного культурного движения явились рабочие Замоскворечья. Тот факт, что идея пролетаризации высшей школы нашла свое реальное осуществление в Замоскворечьи и именно в стенах бывшего Коммерческого института, произошел не случайно.

Еще в смутные годы царизма Коммерческий институт через студенческую столовку был связан с передовой революционной частью замоскворецкого пролетариата. Среди студентов Коммерческого института была сильная, организованная и по тем временам довольно многочисленная группа студентов-большевиков. Эта группа всячески старалась связаться с рабочими через студенческую столовку. Но как этого достигнуть? Всякий, кто в до-революционное время имел отношение к каким-нибудь общественным организациям, тот знает, какие трудности приходилось преодолевать при утверждении устава этих организаций, сколько всевозможных препятствий, затруднений ставилось в этом отношении полицейщиной! Однако недаром столовцы еще в ту пору были отчаянными диалектиками. В уставе общества был пункт, рассчитанный на привлечение именитых московских купцов-благотворителей, который гласил, что членом общества может быть и нестудент. Столовцы ухватились за этот пункт и стали записывать в о-во рабочих, превратив таким образом первоначальную идею учредителей в ее полную противоположность. Один рабочий, кажется бывшей сытинской типографии, был введен даже в состав Правления о-ва. Вовлекая рабочих в члены об-ва по устройству столовой, столовцы не столько думали о том, чтобы снабжать их пищей телесной, сколько духовной. Недаром среди них пользовалась такой большой популярностью невенка, начинавшаяся словами:

Как в студенческой столовой
собирался состав новый — управления.
Демократы да марксисты —
почти сплошь социалисты — в учреждениях.
Нам неважны щи да каша —
демократья, братья наша — вот, что важно!

Не менее одного, а иногда двух раз в неделю, в столовке устраивались диспуты на всевозможные марксистские темы, которые привлекали большое количество рабочих.

Но мало этого — столовка была центром подпольной работы большевистской группы студенчества. И не раз бывало, что внизу идет вечеринка, кружатся пары в вихре вальса, несутся звуки рояля или мощным потоком льется студенческая песня, убаюкивая бдительность полицейского надзирателя, обязанного присутствовать на каждой вечеринке, а в это время наверху происходит нелегальное совещание большевистской группы, обсуждаются ближайшие выступления и т. д.

Поэтому еще до революции замоскворецкие рабочие-передовики привыкли смотреть на студенческую столовку как на свою организацию и были в тесной связи с большевистской группой студенчества Института. Частенько случалось, что рабочая часть студенческой столовки помогала большевикам на общих собраниях столовки проводить свои решения против большинства буржуазного студенчества. Однако, дальше столовки рабочие не допускались. Стены самого Института до самой Февральской революции оставались для них запретными.

Февральская революция открыла двери высших учебных заведений для митингов и собраний. Столовская группа стала практиковать смешанные рабоче-студенческие митинги, на которые иногда приводились целые заводы. Чаще всего это бывало с заводом быв. Михельсон — теперь имени Ильича. Рабочие своими голосами нередко

нануждали студенчество принимать большевистские резолюции. Что же касается столовки, то она совершенно была закреплена за большевистской группой студенчества, несмотря на то, что эта группа буквально тонула в море враждебного большевистским идеям студенчества бывш. Московского коммерческого института.

Столовка и „столовцы“ в достаточной степени мозолили глаза подавляющему большинству белогвардейски настроенного студенчества Института и вызывали с их стороны ненависть и озлобление своими резкими политическими выступлениями против войны, против временного правительства — словом против всего того, что для них было священо. Почему же, несмотря на свое громадное численное преобладание, студенческая масса не могла вырвать столовку из рук большевистской группы, несмотря на все свои попытки? Опять-таки потому, что чуть ли не весь Михельсон был записан в члены общества по устройству столовой и на общих собраниях этой так называемой „студенческой“ столовой кепи и блузы рабочих нередко преобладали над блестящими студенческими тужурками. Столовка фактически стала рабочей, а вскоре она сделалась местом пребывания большевистского райкома, штабом большевистской организации Замоскворечья.

Рабочие после Февральской революции стали таким образом господами положения не только в студенческой столовой, но и на митингах, устраиваемых в Институте. Кадетское и меньшевистско-эсеровское слово не могло безнаказанно раздаваться в стенах Института, несмотря на то, что Институт был центром белогвардейски настроенного студенчества.

Октябрьская революция, передавая власть в руки рабочих, поставила перед ними целый ряд новых грандиозных задач, которые потребовали от них напряжения

всех сил и энергии. Вместе с рабочими Замоскворечья и большевистская группа с энтузиазмом ушла в работу— советскую, партийную или же военную. Институт временно оставался в стороне от той борьбы, которая происходила в стране. Что он представлял собой в тот момент? Он представлял скопище громадного количества белого студенчества, отсиживающегося в его стенах от бурь и превратностей гражданской войны, которая в то время широкой волной разлилась по всей тогдашней России. Никогда за все время существования Института списки студентов не были так многочисленны, и никогда аудитории не были в такой степени пусты. Регистрация посещаемости, произведенная в то время, показала, что при 16 000 студентов посещало занятия не более 100 человек.

Но вот гражданская война близилась к своему концу, пролетариат из нее выходил победителем. Победа закрепила прочно, навсегда за пролетариатом командные политические и экономические высоты. Начиналась полоса великого строительства. Пролетариат, победивший в гражданской войне, столкнувшись с грандиозными задачами хозяйственного строительства, в острой форме почувствовал свою малокультурность, недостаток знания, образования. Идя навстречу этой жажде к знанию разбуженных революцией рабочих масс, декрет Совнаркома объявлял двери высших учебных заведений свободно открытыми для всех граждан социалистической республики, независимо от степени подготовки, пола, национальных различий. Однако этот декрет не мог быть использован той самой рабочей массой, для которой он предназначался, и в результате лишь облегчил приток в стены высших учебных заведений мелкобуржуазным и буржуазным слоям населения. В результате всего этого—высшая школа попрежнему оставалась безучастной к той лихорадочной строительной работе, которая совершалась

в стране. Попрежнему, как и в дореволюционные царские времена, профессора пережевывали старые жвачки буржуазных теорий, с жаром говорили о низвергнутых формах буржуазных отношений, об отмененных революцией правовых Институтах. И вот, когда вновь партийное внимание было привлечено к Институту, когда большевистская ячейка поставила вопрос о реформе Института, то натолкнулись на непреодолимое препятствие в лице подавляющей массы белогвардейски настроенного студенчества. Скоро ячейка и райком во главе с т. Тэром пришли к мысли, что с тем составом студенчества и профессуры, который был в то время, никакой реформы не проведешь. И тут вспомнили старое испытанное средство, которым большевистская группа Института отчасти пользовалась еще в годы царизма и которое особенно часто применялось в период от февраля до октября. Это именно — привлечение к делу реформы старого Коммерческого института замоскворецких рабочих. Недаром как в составе ячейки Института, так и в составе райкома руководство принадлежало бывшим столовцам. Тут вспомнили и о декрете, который нашел себе совершенно не то практическое применение в реальной жизни, на которое он был первоначально рассчитан. Решено было повести широкую агитацию среди рабочих Замоскворечья за вступление их в ряды студентов Института. Кампания имела большой успех. Около тысячи новых студентов из рабочих вошло в стены Института. Тут наряду с тягой к знанию сказалась и старая крепкая, ставшая традиционной, связь рабочей массы с Институтom в лице его большевистской группы, которая установилась еще в дореволюционные годы и с тех пор не прерывалась до самого октябрьского переворота.

Тысячный пролетарский отряд, вступивший в стены Института, дал прочную основу для реформы старого

Коммерческого института в Институт народного хозяйства имени К. Маркса, и эта реформа была произведена. Белогвардейски настроенное большинство студенчества, разумеется, не хотело сдаться без боя, но пришедший пролетарский отряд победил не столько своей численностью, сколько организованностью и энергией. Опираясь на него, ячейка сумела получить решающее влияние в студенческом к-те, а через него и во всем Институте. Старый Коммерческий институт был преобразован в Институт народного хозяйства имени К. Маркса.

Прошла полоса отчаянных схваток, ожесточенной борьбы рабочих с массой белогвардейского студенчества из-за реформы Института. Новый пролетарский студент попытался походить по лекциям и установить какие-то не только политические, но и академические связи с Институтом; но его ждало разочарование. Высшее научное знание оставалось для него книгой за семью печатями. Бросалось в глаза резкое противоречие между той господствующей ролью, которую завоевал рабочий класс во всей политической и экономической жизни страны, и тем бессилием, которое он испытывал перед высшей наукой, высшим знанием в силу своей малокультурности. Жизнь требовала устранения этого противоречия. Отсюда и возникла идея рабочего факультета. Тяга рабочих к знанию привела к тому, что почти одновременно при многих вузах стали возникать всевозможные курсы для рабочих, которые ставили своей задачей — дать рабочим в популярной, доступной для них форме высшие знания. Первоначально рабочий факультет и представлял собою не что иное, как научно-популярное отделение Института. Однако новизна идеи и отличие первого рабочего факультета от других самостоятельных курсов, возникших при вузах, заключались в том, что это популярно-научное отделение Института было организовано

в виде особого факультета Института, равноправного с двумя другими его основными факультетами, и рабочие слушатели этого научно-популярного отделения во всех отношениях приравнивались к студентам основных факультетов. Это обстоятельство имело огромное политическое значение в жизни Института и сказалось впоследствии революционизирующим образом на всей его академической жизни. Первый рабфак, организованный сначала в виде научно-популярного отделения с краткосрочным курсом, не мог удовлетворить первых замоскворецких рабочих рабфаковцев. Они хотели не обрывков высшего знания, а высшего знания в полном объеме. Научно-популярное отделение Института стало постепенно эволюционировать от научно-популярного отделения к подготовительной школе и вузу в виде теперешнего рабфака. В стены, или вернее, в самую гущу жизни Института вошел новый, невиданный до сих пор тип студента — неотесанный, с угловатыми движениями, малограмотный, но с жадностью стремящийся к знанию, полный воли, энергии и непоколебимой веры в торжество своего дела. Студент старой школы был „слушатель“, т. е. его роль сводилась к пассивному, некритическому восприятию, к „слушанию“ того, что раздавалось из уст профессоров с университетских кафедр, к более или менее исправной сдаче зачетов для достижения конечной и заветной цели — диплома. Новый студент сразу вошел в жизнь новой школы не пассивным восприимчиком тех идей, которые ему внушали преподаватели, а активным ее участником, главным строителем и, как это ни странно, сделался фактором перевоспитания самого преподавательского персонала, по всем извечным традициям призванного его воспитывать. Новый студент в массе был очень требователен к себе и своим преподавателям.

Самый строй отношений, как между студентами, с одной стороны, так и между студентами и преподавателями, с другой,— в корне изменился. Рабфаковец не был старым гимназистом. Традиции старых гимназий: бессмысленная зубрежка, стремление обмануть преподавателя, выехать на „подсказках“, взгляд на преподавателя, как на врага, в борьбе с которым все позволено,— все это в большинстве случаев встречало резкое осуждение со стороны рабфакской массы. Стоит только вспомнить практику коллективных зачетов, которая хотя во многом и не оправдала себя, но дала огромное количество ярких доказательств и убедительных примеров очень строгого отношения и большой требовательности со стороны рабфакской массы к своим товарищам. С другой стороны, ту же требовательность она проявляла и по отношению к преподавателям. От последних она требовала не только умелого педагогического подхода, но и идеологической выдержанности. И преподаватель был в глазах рабфаковцев не каким-то особым существом, против которого исподтишка можно подстроить любую гадость, но которого нельзя критиковать, а старшим товарищем по работе, которому так же, как и студенту, не боятся открыто на совместном коллективном собрании указывать на недостатки в работе. Но в то же время и рабфаковец умел быть чутким и трогательно ценить хороших педагогов. Каждый год по окончании занятий по всем рабфакам прокатывалась волна подарков, адресов и всяких подношений.

Все это новое, ворвавшись вместе с рабфакской массой в стены высшей школы, не могло остаться без влияния на академическую жизнь этой школы. В особенности, когда первые отряды рабфаковцев стали переходить на основные факультеты. И тем они являлись пионерами пересмотра старых отношений, установившихся

традиций, активизации преподавания, идеологической выдержанности и т. д. Рабфаковцы возглавили все студенческие организации: партийные, профессиональные, советские. В жизни высшей школы открылась новая советская страница.

Прошло 10 лет со дня основания первого рабфака. И когда окидываешь мысленным взором пройденный путь борьбы рабочего за высшее знание, полный трудностей, лишений, но и подлинного революционного энтузиазма, то только теперь начинаешь полностью отдавать себе отчет в том, какое огромное и важное культурное движение было начато замоскворецкими рабочими 10 лет тому назад.

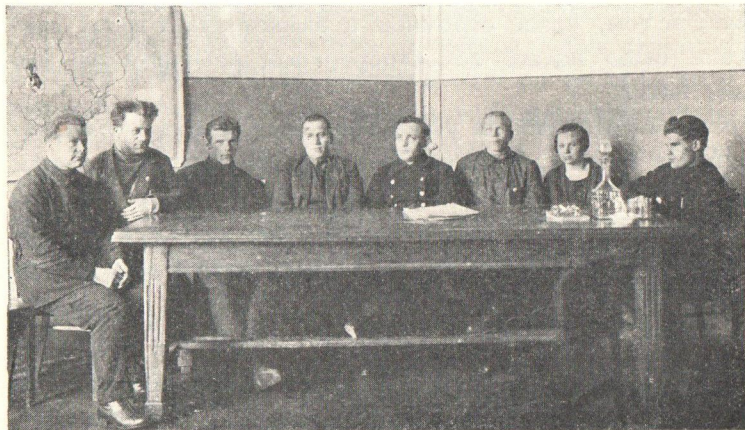
Кто теперь решится утверждать, что рабфаки не оправдали тех надежд, которые возлагались на них рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией. Все новые и новые кадры красных специалистов бывших рабфаковцев, с каждым годом вливающихся в ряды строителей нового социалистического общества на смену уходящим специалистам прошлого, говорят о том, что эти надежды не остались обманутыми, и рабфаки с честью вышли из десятилетнего испытания в огне жизни.

★

П. ЮРИКОВ ПАРТИЯ И РАБФАК

Часто бывало у нас, что границы между рабочим классом и его авангардом — партией — совершенно стирались. Это было обыкновенно тогда, когда партия вела свой класс на штурм какой-нибудь новой „крепости“, когда партия переживала особенно трудные периоды. Только благодаря крепкой спайке между нашей партией и рабочим классом было одержано много блестящих побед.

Так произошло и при завоевании высшей школы пролетариатом. Все рабочие, влившиеся в 1919 году в Институт имени Г. В. Плеханова и в 1921 году в Горную академию, были выделены в особые факультеты, названные „рабочими“. В то время никакой разницы между партийными и беспартийными рабфаковцами не было, а было два класса:—класс буржуазии, представленный в вузах белогвардейской частью студенчества, и рабочий класс, представленный коммунистами и рабфаковцами.



БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП (б)

Сидят (слева на право): Ухалин, Зернов, Колуж, Шведов, Ваянский, Краснощкий, Чикалина, Юриков.

Между этими двумя отрядами велась ожесточенная борьба, которая завершилась победой пролетариата только благодаря и ключительной близости партии к беспартийным рабочим, поддерживавшим партию безоговорочно, несмотря даже на то, что партийцам приходилось и „командовать“.

Вот что рассказывают старые рабфаковцы про „бывлые“ порядки нашего рабфака. Во время общих собраний один товарищ обыкновенно становился около колон-

ны в зале собраний и по его знаку поднимались руки голосующих коммунистов, а с ними и руки всех курсантов десятников горных и литейных курсов. Тут же на стульях располагалось и Бюро ячейки, дававшее директивы стоящему у колонны. Фамилия стоящего у колонны товарища сообщалась курсантам заранее, чтобы путаницы не было и голосование шло дружно. Только организацией, единством действия, получала большинство голосов маленькая кучка коммунистов.

И вполне понятно, почему так стойко, прямо „горой“ рабфаковцы стояли за мизерные ячейки коммунистов: ведь рабфак был детищем комячейки как в „Плехановке“, так и в Горной академии. Ячейки создали рабфаки, ячейки воспитали и поставили их на ноги.

В 1920 году в Горной академии работали курсы штейгеров.—Ячейка,—рассказывают товарищи,—с первых моментов своего существования чувствовала, что должна быть построена такая школа, где могли бы обучаться рабочие непосредственно с производства. Члены ячейки как бы предугадывали будущую роль рабфака...

Через несколько времени, под давлением ячейки, была создана правлением Академии комиссия по организации рабфака. Беда оказалась, однако, в том, что эта комиссия состояла только из профессоров и преподавателей. Насколько работа комиссии в таком составе могла быть успешной свидетельствуют протоколы, в которых записывалось:

Слушали:

Постановили:

1. Информационный доклад об организации рабфака.

1. Принять к сведению.

И больше ничего... Все же ячейка с неослабным вниманием следила за работой этой комиссии. И в 1921 году решила: во что бы ни стало организовать рабфак.

Вот как партячейки выпестовали наш рабфак.

Туго пришлось первым нашим товарищам, пришедшим в годы холода и голода на рабфак с „филькиной грамотой“. Они должны были доказать всей „просвещенной“ буржуазной интеллигенции, что рабочие от станка тоже способны взобраться на „вершины науки“.

В то время никто еще не знал, кроме нашей партии, как велики творческие силы пролетариата.



ГРУППА РАБФАКОВЦЕВ

Сидят слева направо: Кайтмазов—осетин, крестьянин, Сев. Кавказ, Мочалина—работница, текстильщица, Банина—крестьянка-якутка, Климova—домашняя работница. Белоусов—забойщик из Донбасса. Стоят: Балахнин—шахтер с Алданзолото, Волянский—краснофлотец, Быков—токарь с Урала, Хрипун—селькор с Киевщины, пришел пешком в Москву на рабфак учиться.

Я помню случай. Объяснил как то нам математик тригонометрические функции: „синус“ и „косинус“ и потом спрашивает: „А вы когда-нибудь слышали такие названия?“ Один рабфаковец ответил: „Да, я раньше о них слышал, но я этим названиям придавал другое значение. Я думал, что это название деревни“.

И вот, когда после этого видишь бывших рабфаковцев инженерами, экономистами и даже научными работниками, то становится для всех ясным, что рабфаковцы оправдали возлагавшиеся на них надежды, они упорным трудом преодолели науки и понесли свои знания в массы: рабочий—на завод, крестьянин—в деревню.

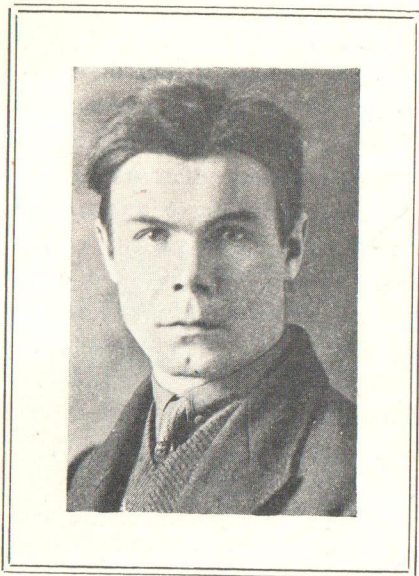
Вот, например, как пишут нам из Пензенской губернии, из Кошкарковского сельсовета о наших рабфаковцах:

„В рабочий и крестьянский факультет имени т. Артема. ...От имени Сельсовета и всего общества шлем сердечный привет всем товарищам студентам. Ввиду того, что все товарищи студенты выше-названного факультета являются рабочими и крестьянами, то они приносят и в будущем принесут исключительную пользу рабочим и крестьянам“.

Это образец того, как массы оценивают значение работы рабфаковцев, организованных нашей партией.

Сейчас у нас на рабфаке крепко спаянная—более 300 чел.—парторганизация, под руководством которой быстро улучшается академическая и общественно-бытовая жизнь рабфаковцев.

Будем же и мы помнить, товарищи-рабфаковцы, что посланы мы учиться волею рабочего класса и трудящегося крестьянства, что нас воспитала и организовала ленинская партия и дадим все, как один, обещание учиться, учиться и учиться, чтобы потом быть активными строителями нового коммунистического общества.



П. РЫБАКОВ

ПЕРВЫЕ РАБФАКОВЦЫ

I. УЧЕБА

С путевкой ПУРа летел я в Стремянный переулочек. Осенняя грязь летела во все стороны от моих неуклюжих красноармейских башмаков.— Учиться! В октябре 1921 г. я стал рабфаковцем.

Мне хотелось бы скрыть тот позорный факт, что „пролез“ я на рабфак не совсем законно. На экзамене по арифметике я просто обманул преподавателя, списав задачу на действия с простыми дробями у моего товарища, соседа по скамье. Десятичные дроби я знал прилично и все остальные задачи решил сам. Правда, я немедленно дал себе торжественное обещание постичь

простые дроби в полном объеме. В кратчайший срок это и успешно выполнил. Может быть это обстоятельство хоть немного смягчает мое тяжкое академическое преступление. Но гораздо более серьезное испытание, как потом оказалось, было еще впереди. Я усердно грыз рабфаковскую науку, примерно, месяца три. Все шло гладко и хорошо. Но вот однажды наш математик, А. В. Митрофанов, объявил группе, что мы должны переходить к изучению геометрии и алгебры. Арифметика наскучила нам уже изрядно, и потому известие это встречено было группой с удовольствием. Я же чувствовал, что с этого момента вступаю в неизвестные мне непроходимые дебри математической тайги. Дело в том, что я не только никогда в жизни своей не занимался геометрией и алгеброй, но даже не знал, что это такое, не знал, что существуют такие науки. У меня было такое представление: пишу и читаю бегло, считать умею я хорошо — миллионами и миллиардами (о, наркомфин, научивший складывать, делить и умножать миллионы даже неграмотных старух!), вот только с дробями плохо... Если постигнуть простые дроби,— ну, тогда я — законченный ученый. Командовать умею, „Азбуку коммунизма“ знаю прекрасно, считаю миллиардами — чего же еще?

Вспоминаю свою мать. Она говорила, бывало, мне: „Читать ты, сынок, умеешь, глазки тебе вложены, чего же тебе нехватает? И так учен — все знаешь. Работай хорошенько, да копейку береги крепче“.

Между тем Александр Васильевич приступил к выяснению того, что знает группа по этим предметам.

— „Те, кто пробовал заниматься геометрией, поднимите руки!“ — скомандовал он.

Я сидел в углу на задней скамейке. Видел, как быстро взметнулись руки моих товарищей. Я колебался: поднять или не поднять? Поднимешь, — а ну как спросит? Не поднимешь,

а ну как исключат? И я один в группе сидел с неподнятой рукой и смущенно ждал, что скажет Александр Васильевич.

— „Теперь поднимите те, кто занимался алгеброй!“

Опять поднялись тридцать рук, и только моя рука нервно теребила тетрадку на парте.

— „Так, хорошо. А вы, что же никогда не пробовали ни геометрии, ни алгебры?“ — обращается ко мне Митрофанов. — „Нет, — ответил я — не занимался. Но я, Александр Васильевич, догоню, я нажму, честное слово“...

— „Хорошо, посмотрим, а то, пожалуй, вам придется перебраться в группу пониже“.

Помню, как сурово прозвучали для меня эти слова. Каким жестким показался мне его голос! Но самое страшное случилось потом.

Александр Васильевич решил проверить, что же осталось у его учеников от прежних занятий по этим предметам. Вызывает он одного рабфаковца и задает такой вопрос:

— „Скажите, чему равняется сумма углов треугольника?“

Признаюсь, я здорово перепугался. Как это так, сумма углов треугольника? Неужели углы, да еще в треугольнике, можно складывать, как картошку? Что же это такое, товарищи, а?

— „Сумма углов треугольника равняется двум дэ“ — спокойно ответил рабфаковец.

Я ужаснулся. Я был подавлен. Вся „ученая“ самоуверенность моя разлетелась прахом от этого ответа. Я чувствовал, что я не только ни черта не знаю, но что я безнадежно, и, так сказать, от природы надолго туп. Я испугался и осязательно чувствовал, что такую таинственную вещь, как „сумма углов треугольника“ и „два дэ“ я никогда в жизни не осилю. В самом отчаянном и мрачном настроении я шагал в общежитие после этого урока. „Может быть не следует позорять себя — думал я — может, пока не поздно, честно признаться самому себе и

бросить все это дело? Очевидно, наука нам не по зубам“. На душе тоскливо и обидно, страшно обидно, как же так. Неужели бросить?

★

Таинственные знаки алгебры я постиг, справился с углами и окружностями геометрии. Быстро догнал группу и остался в ней. Александр Васильевич проверил меня и остался доволен. Но как был доволен я сам! Математику я любил и занимался успешно.

И, кажется, вся наша группа больше всего любила уроки математики. Медлительной походкой, в развалку, входил в класс осанистый и важный Александр Васильевич. Величественно садился за стол и вынимал из портфеля тетрадочку. Это была замечательная, „вещая“ тетрадь. Сначала он медленно пробегал глазами листок, затем поднимал глаза... Вся аудитория жметя, иные начинают беспокойно ворочаться. Тишина. Тетрадочка сделала свое дело: Александр Васильевич останавливает свой взгляд либо на том, кто плохо отвечал прошлый раз, либо — кто порядком уже не бывал у доски. Жертва чувствует. Ее вызывают к доске.

„Лаврухин!“

Неестественно торопливо, семеня ногами и задевая за скамьи, бежит вечно улыбающийся, седеющий рабфаковец. Вот он у доски. В руке мел, в другой — тряпка: чтобы немедленно стереть ошибку.



А. В. МИТРОФАНОВ

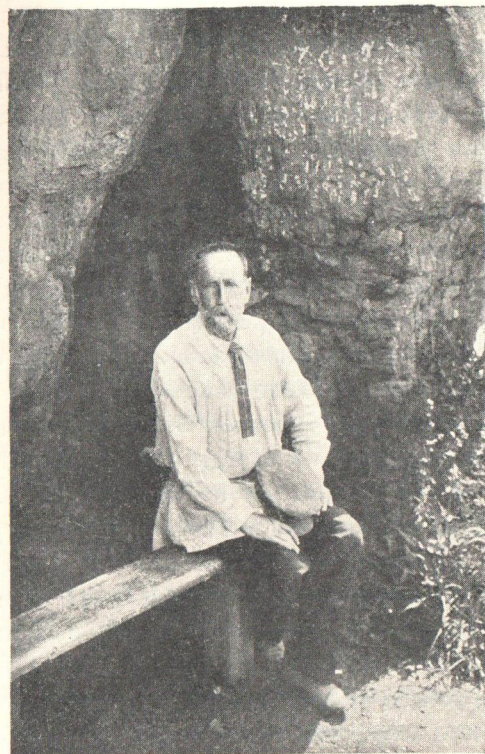
А. В. читает условия задачи. Лаврухин приступает к решению. Пишет невероятную чепуху. Суется. То и дело оглядывается на аудиторию, как бы ища подтверждения своим формулам, улыбка растерянная и ужасно сладкая. Ему подсказывают, сначала тихо, потом все яснее. Он путается, стирает, снова пишет... Александр Васильевич к нему спиной. Но вот он медленно и величественно поворачивает голову. Взгляд на доску — и краткое: „Неверно!“

Левая рука Лаврухина быстро смахивает тряпкой все с доски, сам он с улыбкой: „Т. е. я хотел... я так и думал“... и начинает писать снова. Опять поворачивает голову А. В. и изрекает: „Чепуха!“ Мгновенно стирается левой рукой Лаврухина: „Т. е...“ Группа громко хохочет. Это „то есть“ Лаврухин повторяет раз двадцать вслед за каждой ошибкой и делает ошибку еще более грубую. Однажды А. В. спросил т. Лаврухина, что такое бином Ньютона. Лаврухин улыбнулся и уверенно ответил так: „Биномом звали математика Ньютона, это его имя“. Помню, как содрогалась от хохота наша аудитория. Когда же А. В. объяснил, что Ньютона звали Исааком, Лаврухин ему не поверил и был убежден, что над ним издеваются.

У доски новая жертва решает задачу. Вслух объясняет выводимые формулы. А. В. вздрагивает. „Игрэк?!“ Через минуту: „Ско-о-б-ка?!“ Жертва дрожит. Переписывает снова. А. В. качает головой и медленно, ласково, но внушительно говорит: „На песце, все знания на песце! Начнем сначала“. Смотрит в тетрадку. Группа притихла. „Иванов! Пожалуйте!“ Урок продолжается.

Преподаватель наш, А. В. Митрофанов, был строг и требователен, но вместе с тем он как-то просто умел подойти к ямам и расположить нас к себе и к своему предмету. Все мы боялись не суровых окриков его (окрики

эти были редки), а просто его недовольств. Но никто из нас не обижался на него за это. Зато каждый из нас радовался, как маленький школьник, его похвале.



Н. И. ШАТЕРНИКОВ

Увлекались мы также русской литературой. И надо отдать справедливость нашему преподавателю Николаю Ивановичу Шатерникову, который так сумел поставить свой предмет, что группа всегда с удовольствием ожидала его урока. Видно было, как любил он литературу,

сколько души своей вкладывал он в наши уроки. Взгромоздится, бывало, самым неестественным образом на стул, закроет глаза и начнет читать наизусть целые страницы из „Мертвых душ“ или из Пушкина. Читал он нам много и читал прекрасно. Сиповатый его голос необычайно креп и звучал молодо, сам он бледнел, волновался и, видимо, совсем забывал своих учеников. Он жил каждой строкой великих писателей наших. Может быть под его влиянием кое-кто из нас даже начал тогда писать стихи и он же просматривал и одобрял их. Но, во всяком случае, я не хотел бы теперь вспоминать своих стихов. Зато я с удовольствием перелистываю иногда мои классные письменные работы с пометками Николая Ивановича. На полях я встречаю его замечания, иногда большущие восклицательные знаки, которые он ставил красным карандашом против особенно удачных мест.

Лекции по истории русской литературы читал нам И. Н. Кубиков. Читал он всегда с большим подъемом и вдохновением. Мне никогда не забыть его лекции о творчестве Г. И. Успенского. Помню, какое потрясающее впечатление произвел на нас рассказ „Три четверти лошади“. Тяжело было слушать о последних мучительных днях этого страдальца-писателя, проведенных им в сумасшедшем доме. Безумный Успенский подходил к окну, простирая руки, и вдруг испуганно бежал вглубь комнаты: ему казалось, что перед окном бьется огромная хищная птица... Она распластала свои широкие крылья и закрыла своей черной тенью все лицо земли русской...

Наши преподаватели мастерской рукой раскрыли перед нами богатейшую сокровищницу русской литературы. „Берите из нее все, что можете, черпайте!“

Всё это не значит, конечно, что мы так же хорошо знали русскую литературу, как умели ее ценить. Иногда просто невозможно было слушать ту, ни с чем несооб-

разную околесицу, которую мы несли на занятиях. Был, например, такой случай, правда, не в нашей группе. Тов. А. Белоусова преподаватель попросил рассказать о Домострое. Он начал так. „Домострой — это был один человек...“ Преподаватель немедленно остановил его и спросил другого. Надо сказать, что такие случаи все же были исключением. Может быть знали литературу мы недостаточно — и это несомненно так — но мы получили все же много, мы научились ее любить.



На занятиях, в живом общении складывались наши взаимоотношения с преподавателями, причем это живое общение не ограничивалось только классными занятиями. В клубе, который был организован несколько месяцев спустя, был создан целый ряд кружков, которыми руководили эти же преподаватели. Отношения установились самые тесные, самые дружеские. Какие-либо размолвки или недоразумения рабфаковцев с преподавателями были очень редки. У нас в группе был, например, только один случай с историком Лебедевым, которого пришлось с работы снять. Но в данном случае удивительно не то, что этого историка мы „выставили“, а удивительно то, как он мог преподавать на рабфаке в течение целого академического года. С этим Лебедевым наша группа не менее чем шесть целых месяцев ухлопала на изучение различия между ионийским и дорическим стилем в архитектуре древне-греческих храмов. Как ни бились мы с ним за настоящую историческую науку, так и не пошли за целый год дальше дорического стиля.

Мы ценили в преподавателях их знания, их готовность служить этими знаниями рабочему классу. С другой стороны, преподаватели, надо полагать, чувствовали ту огромную тягу к знанию, ту неуемную жажду знания,

ненасытность, с которой рабфаковцы взялись за науку. В самой ужасной обстановке — в немеблированных, часто нетопленных общежитиях, полуголодные, иногда усталые от разгрузки вагонов, усердно и мужественно брали мы с бою каждую книгу, каждую формулу.

Я помню, как недоверчиво и даже брезгливо относились к нам профессора и большинство преподавателей. На нас, первых рабфаковцев, они смотрели как на людей низшей расы, которым нечего и пытаться одолеть университетскую премудрость. Нас считали варварами, которые пришли и осквернили величественный храм науки. К нам относились свысока и пренебрежительно, нас игнорировали. Но продолжалось это недолго. Наша упорная работа, наша горячая вера в знание, наша воля овладеть им во что бы то ни стало — сделали свое дело. Лед был сломан. Преподаватели были с нами и за нас.

В конце первого учебного года рабфак собрался на торжественное заседание. Здесь подводили итоги первому году нашей учебы. И когда, касаясь наших академических достижений, представитель рабфаковцев заявил, что мы, рабфаковцы, завоевали себе право учиться и здесь, в Институте, стоим уже обеими ногами и стоим прочно, как у себя дома — преподаватели кричали: „Правильно“. Это заявление рабфаковца было покрыто аплодисментами преподавателей. Со стороны преподавателей мы часто слышали заявления о том, что они очень довольны занятиями на рабфаке и что они не только обучают нас, но что и сами многому у нас обучаются. Уже в течение первого учебного года преподаватели вместе с рабфаковцами начали искать новые формы преподавания. Обсуждались семинарские занятия, лабораторный план и т. д. Потом стали пробовать проводить в жизнь эти академические новшества.

★

2. ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ

Когда мы пришли на рабфак, на основных факультетах Института коммунистов было по 2, по 3 человека. Вся ячейка Института насчитывала тогда около 8—9 человек. В то время секретарем ячейки была т. Дзерве. Во всех студенческих организациях: в старостате, в академических комиссиях, в землячестве, в столовой и т. д. — всюду безраздельно господствовали старые белые студенты. Это было злобное охвостие былого московского купечества и неудивительно, что они встречали нашего брата, рабфаковца, в штыки. Ясно также, что такая малочисленная ячейка могла оказывать этой белогвардейщине только весьма слабое сопротивление. Однако, дело приняло совсем другой оборот с того момента, когда с первым приемом рабфаковца в ячейку вошла свежая компактная масса приблизительно в 100 человек рабфаковцев-коммунистов. Примерно столько же на рабфаке насчитывалось комсомольцев.

Первая и основная задача ячейки состояла в том, чтобы завоевать Институт. Надо было провести своих людей и взять под свое руководство, прежде всего, важнейшие студенческие организации. И когда эта задача в известной мере была решена, мы повели наше наступление сверху — было решено выдвинуть и провести в ректоры Института своего кандидата — коммуниста.

Общее собрание студентов, посвященное перевыборам ректора, состоялось в январе или феврале 1922 года. Рабфак по призыву ячейки явился на собрание целиком. Но и старых, контрреволюционных студентов пришло очень много. У них ведь в те времена существовали свои и довольно прочные организации. Огромная плевановская аудитория была набита до отказа живой, горячей студенческой массой. Тысячи рабфаковцев заняли перед-

ние скамьи. Собрание открывает ректор Института Д. М. Генкин. Предлагается избрать председателя. Рабфаковцы гаркнули: „Калинина“. Студенты задних скамеек тоже организованно кричат свою кандидатуру. Голосуют. Видно, что наши голоса несколько перевешивают. Тов. А. Калинин входит на кафедру: „Товарищи, благодарю за доверие, считаю себя председателем, избранным единогласно“. Шум, аплодисменты и крики — „долой“. Когда эта волна невероятного гама несколько улеглась, поднимается один студент и вносит предложение: „Переголосовать и подсчитать голоса“.

„Товарищи, — звенит голос А. Калинина, — я считаю избранным себя единогласно, ибо белогвардейские голоса в счет не принимаю“. Снова невероятный гвалт и грохот. Студенты кричат: „Долой, безобразие, узурпация“. Старые студенты вскакивают со своих мест и пробираются к боковым выходам. „Мы не желаем оставаться на этом собрании“. Шум и гвалт покрывается металлическим голосом Шурки Калинина: „Товарищи, спокойствие, не поддавайтесь провокации, не давайте сорвать собрание“.

Удалившиеся с собрания студенты явились снова к докладу ректора. Но вот доклад закончен и по докладу принята резолюция. Приступаем к выборам ректора. Мы выставили кандидатуру т. Невского, старое студенчество выдвигало своего кандидата, одного из наших профессоров, фамилию которого я уже забыл.

При голосовании кандидатов повторилась та же история. Опять наших голосов было подано несколько больше. Опять Калинин объявил, что ректором Института единогласно избран т. Невский, на том основании, что белогвардейские голоса он не считает. Теперь уже студенты решили окончательно сорвать собрание. Подняли крик и лавиной покатались к выходам. Калинин кричит: „К порядку, товарищи, спокойствие!“ С наших скамей, вслед

удалявшимся студентам, раздавались крики: „Скатертью дорога! Белая кость! Вон! Буржуйские сынки!“

Под конец собрания кто-то из рабфаковцев прибежал запыхавшись и объявил, что в Ленинском зале студенты открыли свое параллельное собрание. Все мы немедленно бросились туда. Все входы в Ленинский зал оказались запертыми. Рабфаковская толпа бушевала. Не помню, каким образом одна дверь распахнулась и рабфаковцы ворвались в зал. Там действительно происходило горячее собрание. Мы грянули Интернационал. Раздались крики: „Шапки долой, встать!“ Большинство студентов встало. Некоторых поднимали на ноги рабфаковцы. Среди рабфаковцев оказался один студент, он стоял в фуражке. „Скинь фуражку!“ — кричали ему. Студент не подчинился. Тогда какое-то рабфаковское сердце не выдержало: фуражка мгновенно слетела от увесистого удара в голову. Студент дал сдачи. Рабфаковцы за своих. Произошла свалка.

Через неделю мы узнали, что избранного нами ректором Института т. Невского Наркомпрос почему-то не утвердил. Ректором попрежнему оставался Д. М. Генкин. Потом я помню, как бюро институтской ячейки (членом которого я уже тогда был выбран) все лето 1922 года заседало целыми ночами, прорабатывая и подготавливая вопрос о своем ректоре. Сколько раз нам пришлось бегать в МК и в ЦК по этому вопросу! Но мы своего все-таки добились: на следующих выборах мы провели ректором коммуниста Н. И. Челябинова.

Постепенно, сверху донизу, захватили мы Институт в свои руки. В этом „перевороте“ первостепенную роль сыграл рабфак. Рабфаковцы-коммунисты входили в общепартийную ячейку, но помимо этого у нас тогда еще была своя особая организация, нечто вроде ячейки рабфака, носила она несколько странное название „фракция

рабфака". Эта фракция рабфака имела свое особое бюро. Другие факультеты тогда своих парторганизаций не имели. В первое бюро фракции было выбрано 5 человек: Емельянов, Григорьев, я и еще двое, кажется, Морген и М. Крылов. Я был ответственным секретарем фракции.

Помимо задачи „завоевания“ Института, наша работа протекала по линии создания студенческих академических и общественных организаций, по улучшению нашего, тогда необычайно бедственного, материального положения, а также по линии поднятия партийно-политического уровня ячейки. Надо сказать, что „фракция рабфака“ пользовалась безраздельным доверием всей рабфаковской массы. Решения бюро фракции выполнялись безоговорочно любым беспартийным рабфаковцем. Мы жили тогда единой тесной семьей и центром этой огромной семьи, ее душой и мозгом была „фракция рабфака“. Среди рабфаковцев существовала удивительно крепкая дисциплина. Если нам нужно было провести какое-либо решение на общем собрании — весь рабфак был на собрании. Если мы проводили какую-нибудь кампанию политического ли характера, или у себя дома, внутриинститутскую — каждый безоговорочно принимал в ней участие.

Отсюда становится ясным, какую громадную роль играл рабфак в жизни Института. Рабфак — это была одна сплошная шеренга людей, которые знают, чего они хотят. Ядром рабфака, как уже указывалось, была его фракция. Поэтому постановления „фракции рабфака“ всегда оказывали решающее значение на ход и исход какого-нибудь дела.

★

3. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Ни исполбюро, ни профсекций тогда еще в Институте, да и вообще в вузах, не было. Каждый студент — член профсоюза непосредственно сам держал связь со своим союзом. Базой этой связи с союзами служила та материальная помощь, которую профсоюзы в большинстве оказывали своим членам — студентам. Я сказал, что профсекций не было, но это не значит, что не было профессиональной общественности и профработы. Студенты — члены данного союза, помимо личной связи с ЦК и губотделами иногда устраивали свои профсобрания, на которых обсуждались вопросы участия студентов в профработе. Многие студенты вели на предприятиях профкружки. Но вся эта работа протекала неорганизованно. Партийного руководства этой работой почти совсем не было. На рабфаке был создан студком. Но это была организация, совсем не похожая на нынешнее исполбюро. Основная функция студкома — академические и культурно-бытовые вопросы рабфаковцев.

Большую роль в жизни рабфака сыграл созданный нами рабфаковский клуб. Организация этого клуба — это долгий и мучительный путь. Сначала на бюро ячейки мы решили организовать общеинститутский клуб и поручили это дело студенту экфака т. Палиесу. Он хлопотал и бегал месяца три, но хлопотал, очевидно, плохо, ибо дело с клубом не подвинулось вперед ни на один вершок. Обругав Палиеса за бездеятельность, мы решили у себя на „фракции“ создать свой рабфаковский клуб. Была создана тройка, в которую входили: П. Григорьев, я, третьего товарища не помню. Главным организатором клуба был т. Григорьев. Он создал рабфаковский клуб буквально из ничего. У нас ничего не было — ни денег, ни помещения, решительно все приходилось добывать.

бегать, кланяться. Следует сказать большое спасибо т.т. так называемым „столовцам“ — коммунистам, бывшим студентам коммерческого института и среди них особенно т.т. А. Б. Халатову, П. Г. Арутюнянцу и М. И. Хлопьянкину. Можно сказать, что без помощи этих наших друзей рабфаковцы так и оставались бы без клуба.

Наконец был назначен день торжественного открытия клуба. Торжественности этого вечера много обязаны мы



Тов. А. Б. ХАЛАТОВ

упомянутым выше товарищам-большевикам. Один из них достал нам несколько ящиков яблок, другой дал дрова, а третий откуда-то раскопал и доставил к этому дню даже несколько пудов заграничного шоколада. Если ко всему этому прибавить наши собственные отчисления, специально сделанные на открытие клуба, то легко понять, каково было наше торжество. Наши голодные желудки может быть впервые за этот год были полны. Ликование было исключительное. Здание клуба переполнилось рабфаковцами.

Свой клуб мы открыли в доме 28 по М. Серпуховке. Здесь раньше была студенческая „столовка“ коммерческого института, центр замоскворецких большевиков, а впоследствии штаб Октябрьского восстания Замоскворечья. При открытии этого клуба мы ставили своей задачей сохранение лучших традиций „столовцев“ — под-



ШТАБ БОЛЬШЕВИКОВ - „СТОЛОВЦЕВ“

польщиков. И вероятно поэтому со стороны товарищей „столовцев“ клуб пользовался вниманием и поддержкой. Работа в клубе развернулась очень быстро и широко. Помимо массовой работы здесь были созданы кружки: литературный, драматический, комсомольский, художественный и др. И здесь же в скором времени открыли мы столовую для рабфаковцев. Наши пайки (мы получали тогда довольствие „натурой“) шли в столовую и за

это в течение всего месяца мы получали обеды. Хотя эти обеды и были скудными, но зато мы ели каждый день. А это значит в то время жить чуть ли не роскошно. Ведь еще недавно бывало так: получишь паек (20 фун. хлеба, 4 селедки и немного мерзлой картошки на месяц), а „свинтишь“ все это в пять дней, в лучшем случае в неделю. А потом — подтягиваешь брюхо...

В клубе мы часто устраивали массовые вечеринки, эти вечеринки всегда проходили дружно и удивительно весело. Сколько различных игр, шуток, сцен мы придумывали! Какие прекрасные песни мы пели! И сами сочиняли частушки и покурри на злобу дня. Должен признаться, что я, например, с тех пор ни разу нигде не встречал такой удивительно теплой, товарищеской, располагающей атмосферы, какая царила у нас в клубе.

★

Помню одно общее собрание студентов. Доклад на собрании делал К. В. Островитянов. Он продемонстрировал перед нами интересную диаграмму. На большом листе бумаги был нарисован верзила студент со значком и светлыми пуговицами. Изображал он собой количество студентов, получавших пайки в 1920—21 г. А рядом с ним стоял карлик, едва доходивший до колен верзиле. Фигура карлика изображала собой количество студентов, посещавших лекции за это же время. Из этой весьма наглядной диаграммы мы делали вывод: настоящие студенты — это мы, ибо посещаемость занятий рабфаковцами была стопроцентная. А следующий вывод гласил: значит, мы должны стать хозяевами Института. И мы овладели Институтом прочно и окончательно. Когда основные институтские органы оказались в наших руках, мы принялись чистить Институт, выбрасывая все контр-

революционные элементы. Чистили с двух концов: и по линии академической, и по линии социальной.

★

Насколько дружен был рабфак, сколько энтузиазма было у нас в те голодные и суровые дни, показывает тот факт, что не было в жизни нашей страны ни одного сколько-нибудь значительного события, какое бы не находило в нас отклика. Проводится ли неделя помощи голодающим, рабфак — сам голодный — единодушно отдает свои последние крохи; устраивается ли туберкулезный трехдневник — все мы на улице с кружками, иные по фабрикам делают доклады. Мы живо и горячо реагировали на всякое политическое событие. Вот перед вами рабфак на общем собрании слушает доклад о нашем международном положении. Принимается гневная резолюция. Кто-то предлагает отчисление от скудного пайка на усиление красного воздушного флота. Принято единогласно. Рабфаковская масса, как бурливая река, шумит, пенится. Кто-то вскакивает на трибуну и бросает от самого сердца:

— „Товарищи, пролетариат всегда творил свою волю на площадях! На улицу, товарищи“.

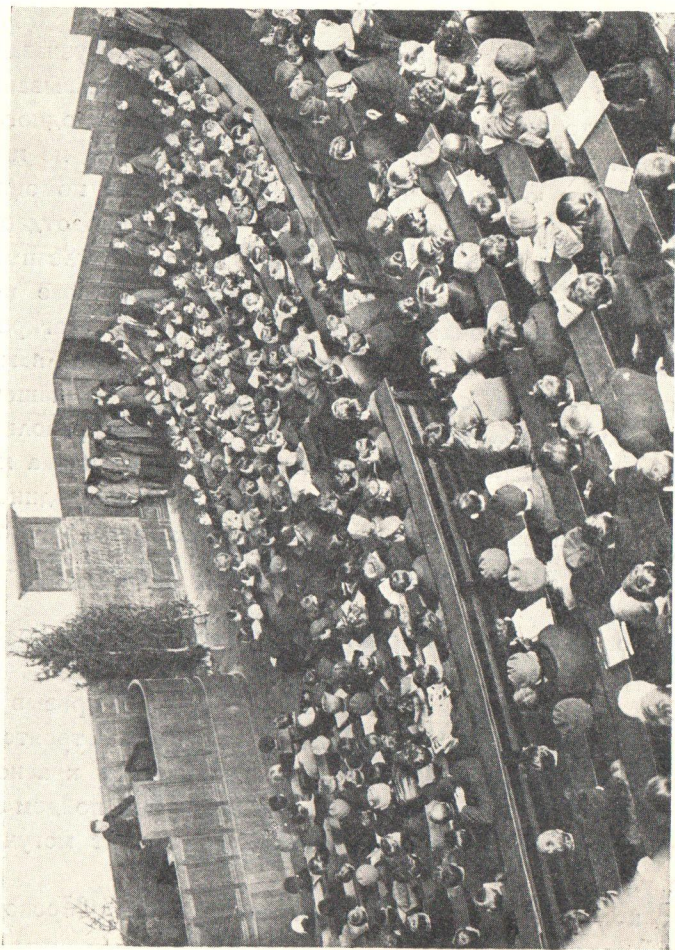
„На улицу!“ — подхватывают этот страстный призыв и буйные потоки рабфаковцев уже на мостовой. Строятся, Кого-то качают. В передних рядах взвизывает красное полотнище нашего знамени. „Смело мы в бой пойдем за власть Советов!“... Песнь разрастается и гремит могуче.

На улицу!

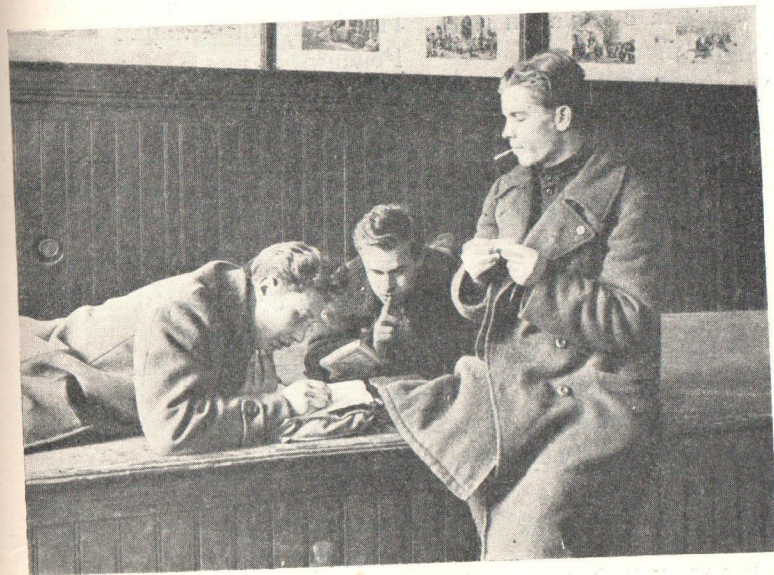
Мы колонной под красным знаменем идем к Московскому совету.

13 февраля 1929 г.

★



ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ РАБФАКОВЦЕВ.



ИВАН ГОЛУБКОВ
ЮБИЛЕЙНОЕ

С Урала, Донбасса,
С калмыцких степей —
Шинельною массой
Клокочущих дней,
Неверной походкой
Голодной страны,
В кровавых обмотках
Гражданской войны,

От вихрей сражений,
От жара атак —
Учиться в столицу
Пришли на рабфак.
С привычным упорством,
Обычным для них,
Пришли и засели
За ворохи книг.

Топили дыханьем
Чернильную стынъ,
У Маркса с Бухариным
Терли листы.

А после занятий
В вечернюю мглу
Брели в интернаты,
Чтоб спать на полу.
Уют одеяла,
Подушку, постель —
Им все заменяла
Подруга — шинель
Немного веселья
В голодном пайке,
Но молодость в сердце
И книга в руке.

На них ополчились
И голод, и тиф,
И холод, и кризисы, —
Все против них.
И важный профессор,
Чей злобится рот,
И детская парта,
Что сесть не дает,
И булочник — рожь,
Что жулит припек,
И крысы, что гложут
Последний паек.

Росло возмущенье:
„Доколе ж терпеть,
Ведь так не пробиться
В научную твердь,

Задача — учиться,
А тут тебе — на!..“
И в сумрачных лицах
Решимость видна.
„Нам голодно, холодно,
Жить невтерпеж. —
Даешь потребилку!
Субботник даешь!
Покажем сноровку
И в этом бою,
Откроем столовку,
Читальню и клуб.
Седого профессора —
Живо убрать...
Но детские парты
Не будем ломать.

Летели недели
И месяцы тож,
Отвагой и силой
Взяла молодежь.

В большом интернате
Светло и тепло,
На месте фанеры
Сияет стекло.

Довольны столовой,
Не нужно пайка,
И ночью солома
Ласкает бока.

Никто не мешает.
Задача — „учись“,
С рабфаковским грузом
(Хот груз невелик)

Прошли они вузов
Учебный целик.
Шли осенью знойкой,
И в зимнюю стынъ,
А ныне — на стройке
Советских твердынь.
В день десятилетия
Я вспомнил о них,
Рассыпав в привете
Ликующий стих.

Все дальше и дальше,
Вперед и вперед.

★

Бывают минуты —
И нам нележки
Учебные пути,
Теорий пески.
Пусть плохо — потерпим,
Пусть трудно — возьмем:
В нас юность до смерти
Бушует огнем,
Нас радостным маршем
Мятежность ведет

А. ДМИТРОЧЕНКО

бывш. рабфаковец ИНХ им. Плеханова.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА РАБФАКЕ

Первые годы существования рабфака прошли в исканиях. Во всех областях нужно было найти пути наиболее целесообразной постановки академической жизни, нужно было организовать и наладить жилищно-бытовые условия нового студенчества. Не было достаточного числа людей, могущих и желающих надлежащим образом вести работу. Студенчеству рабфака, вместе с тем небольшим количеством преподавателей и администраторов, которые целиком отдались новому делу, пришлось на своих плечах вынести значительную долю всей громадной работы по созданию рабфаков. Общественные организации на рабочих факультетах, формы этих организаций росли и совершенствовались параллельно росту рабочих факультетов.

Первой формой общественной организации на рабфаке был старостат. Разбитые на учебные группы рабфаковцы выбирали из своей среды старосту. Староста следил за посещаемостью занятий как учащимися, так и преподавателями, вел переговоры с президиумом рабфака и учебной частью; он же был и выразителем общественного мнения студенчества, представительствуя от своей группы.

Собрание старост групп носило название старостата. Какие же вопросы обсуждал старостат? Трудно перечис-

лить весь круг вопросов, попадавших тогда на повестку дня старостата.

Нет преподавателя, преподаватель манкирует, преподаватель не удовлетворяет, плохо с пайком, плохо с общежитиями, нет дров, обносилась публика и надо достать обмундирование, — все эти вопросы обсуждались в старостате.

Наиболее часто обсуждавшимися вопросами были вопросы академического порядка и вопросы продовольственные. Спецами по вопросам продчасти были Андрей Белоусов, Миша Юдин и Вася Краснощеклов, работавшие в кооперативе рабфака. Вопросы, касающиеся снабжения одеждой и обувью, поручались Коле Иванову. Коля лихой кавалерийской атакой брал одну преграду за другой, бегал, нажимал, „крыл“, и в результате неизменно добивался нужных нам результатов.

Однако, старостат не удовлетворял запросам возмставшей общественности, нужна была какая-то другая форма организации, ближе стоящая к жизни. Построенный по принципу группового представительства, старостат по крупным политическим, общественным вопросам не мог высказать своего мнения, его права ограничивались тем кругом вопросов, который мы назвали выше, а на третий год существования рабфака вопросы академического и снабженческого порядка были более или менее налажены и на очередь встали другие более важные вопросы.

Формы студенческих организаций на основных факультетах были иные, там существовали курсовые комитеты студенчества. Руководство этими комитетами было в руках враждебно настроенных не только к рабфакам, но и вообще к советской власти лиц, которые стремились, где только можно и чем можно, нам напортить.

Среди этого отъявленного белого студенчества, засевшего в вузе на основных факультетах, имелась небольшая партийная прослойка и советски настроенное молодое студенчество, вернувшееся с фронтов для окончания образования, и надо было вырвать из-под влияния реакционного студенчества и профессуры ту его часть, которая была лойяльна.

Разрешение этой задачи упиралось в разнобойность системы студенческих организаций; вот почему надо было создать такую систему организации, во главе которой стоял бы единый студенческий орган для всего Института, где наряду с представителями студенчества основных факультетов были бы и представители рабфака.

Такой формой организации был студком. Студком являлся общефакультетским выборным органом, в его задачи входило, наряду с выполнением задач удовлетворения рабфаковских нужд, — оказывать влияние на студенчество основных факультетов через своих представителей в общеинститутских студенческих организациях.

Представительствовали же мы и несли работу буквально всюду. Председателю студкома Самохину и секретарю Алферову приходилось чуть ли не ежедневно мотаться по нескольким совещаниям, заседаниям и т. д. Жилкомиссия, академкомиссия, культкомиссия, президиум рабфака, бюро ячейки, — все требовали, все тащили и взваливали всю работу по Институту на плечи нашего студенческого комитета (к этому времени реакционные курскомы были распущены). И вот — в положении белки в колесе — работал наш студком. Значительно позже на основных факультетах были организованы факультетские студенческие комитеты, и мы смогли разделить с ними ту огромную общественную работу по Институту, которая до этого целиком лежала на наших плечах.

Однако, студенческие комитеты, несмотря на свое значительное преимущество перед старостами, не являлись все же той организацией, которая нужна была новому вузу. Являясь чисто корпоративной организацией, студкомы могли удовлетворять и обслуживать только специфические рабфаковские запросы. Рабочие, пришедшие на рабфак с освобождением от работы, теряли связь с производством и профсоюзами, командировавшими их. Вставала новая задача: органически связать рабфаковскую массу с командировавшими ее профсоюзами, вовлечь неорганизованных и через новые организации привлечь профсоюзы к участию в жизни рабочих факультетов.

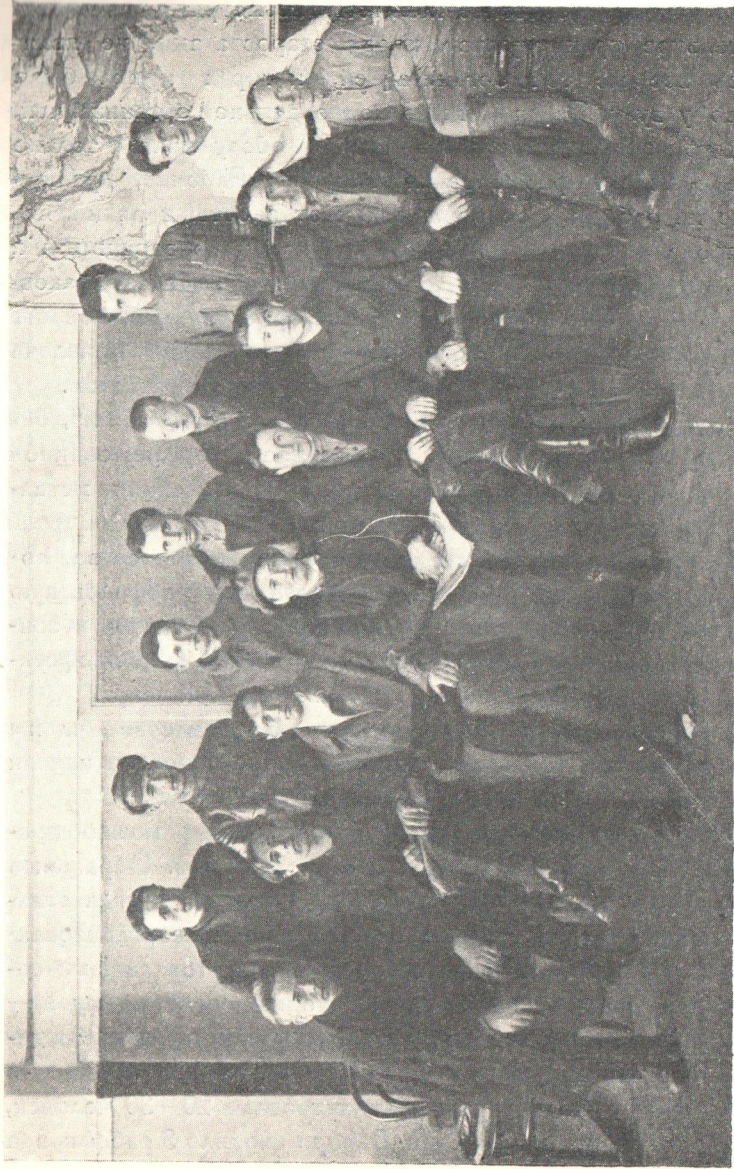
Профсекции начали организовываться „самотеком“, без директив извне. Первой профсекцией, организованной у нас на рабфаке и в вузе, была профсекция металлистов.

Выгода новой формы организации студенчества, позволявшая через профсекции, через их рабфаковскую часть, через фракцию шире проникнуть в толщу вузовской жизни, была немедленно использована, и профсекции начинают организовываться все шире и шире.

Рабфаковцы — в подавляющем большинстве члены профсоюзов — были тем ядром, вокруг которого начали организовываться профсоюзные органы в вузе.

Как организовались первые профсекции, можно проследить на примере профсекции металлистов. Обращаясь в губотдел по тем или иным вопросам, мы всегда сталкивались с препятствием в виде нашей неорганизованности. В результате разговоров между товарищами создалась инициативная группа, один из товарищей, — студент-электрик Ермолаев был уполномочен губотделом созвать собрание и оформить профсекцию.

Собрание, на котором присутствовало 20—30 человек, выбрало бюро профсекции. В бюро входило 3 рабфаковца



ФАКУЛЬТЕТСКИЙ КОМИТЕТ 1922 г.

и 4 студента-основника (коммунисты). После собрания была объявлена регистрация, которая объединила в профсекции больше 100 человек.

Аналогичную картину с теми или иными отклонениями можно было наблюдать и по остальным профсекциям.

Деятельность профсекций в Институте и на рабфаке протекала, главным образом, по линии участия в общественной жизни и организации материальной помощи членам.

На ассигнованные губотделами средства закупались книги и учебные пособия, которые через бюро профсекции распределялись между нуждающимся студенчеством.

Профсекции, поскольку они были ближе всего к действительной жизни, быстро завоевали себе права гражданства, и постепенно на рабфаке студком начинает одну за другой свои функции передавать профсекциям. Организованные профсекции позволили не ограничиваться работой по улучшению материально-бытовых условий студенчества, а одновременно с этими вопросами дали возможность партии через фракции осуществить руководство всем профессионально-организованным студенчеством, а через него влиять и на неорганизованное.

Для руководства профсекциями внутри вуза была организована межсоюзная организация, сохранившая и до сих пор свое название — исполбюро профсекций. Первоначально исполбюро конструировалось по принципу представительства от профсекций пропорционально числу членов каждой и от студкома рабфака, который еще долгое время существовал как самостоятельная организация. В первый состав исполбюро Института в большинстве входили рабфаковцы; их роль в жизни вузов все более и более возрастала. Возглавляемые рабфаковцами студенческие организации играли все большую и большую роль в жизни вузов. Сбитые со своих позиций

„былые герои“—Селезнев, Грачев, Успенские и им подобные — торопились закончить вуз и уйти.

Новая волна смыла их, и они уходили, одни окончив вуз, другие — даже не окончив, чтобы дать дорогу этой мощной волне, которая теперь затопила все вузы. Новые люди, в новых условиях, создали новую высшую школу и новый тип студента. Они дорожат вузом, потому что дрались на фронтах за право пойти в вуз, а в стенах его — за право учиться.



А. СТОЛЯРОВ, ТРОИЦКАЯ, В. БАЛАКИН, П. ГРИГОРЯН,
АЛЕКСЕЕВА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОГО РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА

(Воспоминания группы участников)

„ПРОСТО ДО ГЕНИАЛЬНОСТИ“

В ячейке коммунистов бывшего Коммерческого института ко дню предстоящих выборов в старостат осенью 1918 года — было восемь человек. Самое беспомощное состояние. Беспартийно-кадетское большинство студенчества предлагало ячейке по соглашению одно место в старостате из пятнадцати. Ячейка собралась на заседание, где и решила после некоторого колебания предложение принять, о чем секретарь ячейки т. Генденштейн и довел до сведения Замоскворецкого районного комитета РКП(б). Ответственный организатор района, Тэр-Ваганьян потребовал немедленного созыва ячейки вновь по вопросу о выборах и явился на заседание. Тов. Генденштейн сделал сообщение о положении дел: ячейка поддерживала свое решение, так как иного выхода не было. Тут-то и обрушился на нас т. Тэр. — „Вы ломаете голову над тем, как завладеть староста-

том, вы не знаете, как справиться со студентами? — стыдитесь, товарищи! Кругом вас сотни фабрик и заводов — иль вы это забыли? Забыли, что в Октябре рабочий фактически завоевал высшую школу для себя, а вы хотите согласиться на предложение кадетов, получить одно место в старостате. Да позовите рабочих с Михельсона... Цинделя... Брокера“... Мы, признаться, опешили. Это было чрезвычайно просто, но все же нам казалось неосуществимым. Некоторые из товарищей стали высказываться против предложения т. Тэра. Но т. Тэр не уступал: „Большевики мы или нет?“. Предложения его о плане ближайшей работы сводились к следующему: в течение ближайших дней мы проводим беседы по фабрикам и заводам района, записываем рабочих, желающих поступить в Институт, — и снабжаем их курсовыми билетами. Далее, мы овладеваем старостатом. От имени старостата проводим реформу Института. Рабочие вводятся в Институт на равных правах со всеми слушателями высшей школы. Для выработки учебной программы созываем совещание профессоров.

Все предложения т. Тэра были в конце концов приняты, и ячейка постановила: приступить к намеченной работе.

Началась усиленная работа по фабрикам. После каждого общего собрания на заводах выступали представители райкома со специальным докладом о необходимости завоевания высшей школы. Выступали: т. Генденштейн, т. Тэр, т. Столяров, т. Григорьян и др. Рабочие относились к докладам с полной серьезностью. Какой бы острый вопрос ни стоял в порядке дня, как бы бурно ни протекало собрание, но вопрос о завоевании высшей школы выслушивался внимательно.

Спустя несколько дней заходили к нам двое товарищей из студенческого центра, которые узнали о нашем реше-

нии от т. Генденштейна. Они получили информацию и собрались притти в день выборов посмотреть, что выйдет.

В осуществлении наших планов они очень сомневались и жаловались, что до сих пор им не удается организовать рабочие курсы при университетах. „Мы не рабочие курсы организовываем, мы завоевываем высшую школу“ — информировал их т. Тэр.

ШТУРМ „БАСТИЛИИ“

Наконец наступил и день выборов. Представьте себе зал Коммерческого института... Он кишит студентами — в этот день они все в сборе: и живые и мертвые души. И какие у них спокойные и победоносные лица, с какой насмешкой поглядывают они на пробегающих иногда членов ячеек! Еще бы! Ведь высшая школа — единственный неприступный уголок в бушующем море гражданской войны, где они чувствуют себя хозяевами положения. До них, конечно, долетали слухи о наших намерениях, но ведь это было, по их мнению, совершенно безнадежным делом.

И вдруг... валом повалили михельсоновцы, цинделевцы, рабочие электрической станции... Мы приветствуем их буйными криками:

— Добро пожаловать!

— Давно пора!

Если бы вы могли взглянуть на лица студентов, за минуту перед тем столь невозмутимые и спокойные. Удивление, смятение, а потом... злобная досада.

Первые слушатели рождающегося рабочего факультета молча выстроились в очередь — голосовать в старостат.

Тут началась травля. Очередь атаквали с обеих сторон студенты: „Что вам здесь нужно, что вы понимаете, ведь вы еще грамоты не знаете толком?“

— Научимся, — слышались спокойные, краткие ответы.

По залу рассыпались кучки спорящих.

— Ну, что ты кричишь? — урезонивал новый слушатель с электрической станции какого-то расходившегося студента, — я больше тебя знаю, даром что ты студент и, можно сказать, штаны на парте просидел. А я на элек-



ПЕРВЫЕ РАБФАКОВЦЫ — РАБОЧИЕ ЗАМОСКВОРЕЧЬЯ

трической станции десять лет работаю и на практике все прошел.

— Да помилуйте, куда вы лезете, вам надо еще в начальную школу итти, — возмущается то тот, то другой из студентов.

— Ничего, — смеется михельсоновец, — у профессоров язык не лопата, и они, поди-ка, сумеют говорить по-человечески.

Больше всех, кажется, торжествовал т. Тэр. Появляясь то там, то здесь, он врезывался в кучки спорящих и буквально издевался над студентами.

Мы победили... От 985 записавшихся новых слушателей-рабочих мы проводим в старостат восемь человек.

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ НОВЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ ИНСТИТУТА

Большая аудитория в новом здании наполнилась рабочими. Было назначено первое собрание новых слушателей Института. Но совершенно неожиданно это собрание превратилось в общее, так как нахлынула масса студентов из основных факультетов. Они пришли, очевидно, с целью оказать влияние на решение собрания и, в крайнем случае, его сорвать. Нашлись даже два меньшевика и два эсера, которые пришли, разумеется, засвидетельствовать свою „преданность“ пролетариату. Первый же бой был дан по вопросу о выборе председателя. Рабочие единогласно (против всех голосов студентов) избрали т. Тэра. Тэр вошел на трибуну и к великому негодованию студентов громогласно заявил:

— Товарищи, я избран единогласно.

— А наши голоса? — кричала студенческая часть.

Но т. Тэр уже оглашал порядок дня:

1. Вопрос о новых студентах.
2. О работе наших представителей в старостате.
3. О преобразованиях во внешнем виде Института.
4. Текущие дела.

— Кто за?

Все рабочие поднимают руки.

— Кто против?

Поднимают все студенты.

— Порядок дня принят единогласно, — невозмутимо объявляет т. Тэр. По залу прокатился дружный хохот.

Студенты с шумом начали подниматься с мест; меньшевики и эсеры даже попытались было огласить декларацию с протестом против нарушения демократических принципов, но им не дали, и непрошенные гости, наконец, покинули зал.

Докладчиком по первому вопросу был т. Тэр. „Имеют ли право рабочие учиться? В Октябрьскую революцию завоевал себе рабочий это право. Быть может, следует еще ждать, не до учебы? Конечно, нам трудно учиться, когда имеется Деникин, Колчак, Архангельское правительство и т. д. Но у нас внутри есть враг, которого требуется преодолеть — это интеллигенция, спецы, которые нас саботируют. Быть может, ученье рабочим не по зубам? Но два года революции сделали свое дело; рабочий, который способен понимать доклады на митингах, для которого слушать два-три часа подряд — обычное дело, в десять раз лучше любого гимназиста, привыкшего к зубрежке, поймет лекции профессора. Некоторых наук мы не знаем, запаса знаний у нас нет. — Не беда, — для чего существует тогда профессор, если он не может быть понятым? Да, кроме того, почему параллельно не можем мы пройти общеобразовательные курсы? Нет никаких препятствий для нас — мы должны завоевать высшую школу“. Конкретные предложения его сводились к следующему:

1) новые рабочие-студенты во всех правах сравниваются со старыми студентами, и в этом вопросе — никаких уступок;

2) совет профессоров должен в кратчайший срок разработать конкретный план занятий для новых слушателей;

3) мы составляем в Институте большинство, хотя студентов числится двенадцать тысяч, но посещают занятия всего лишь несколько десятков. А нас около тысячи. Отсюда — мы должны составить в старостате большинство;

4) представители наши в старостате организуют рабочую фракцию и разрабатывают проект организации новых слушателей.

По третьему вопросу, совершенно неожиданно для нас, аудитория невероятно оживилась; т. Тэр делал доклад о том, как следует преобразовать Институт и придать ему пролетарский вид. „Вы смотрите, как буржуазные купцы умели в своем духе воспитывать будущих рабов, — эту аудиторию, например, они назвали аудиторией купца Марка, да еще к тому прибили огромную доску и увековечили: „Деньги на постройку пожертвовал Марк“. Неужели наше революционное сердце потерпит такой позор?“

— Не потерпим, — загудела аудитория, и не прошла минута, как медная доска у дверей аудитории с именем меднолобого купца очутилась на полу.

— Товарищи, — предлагали с места, — будем действовать организованно — поручим т. Тэру совместно с рабочей группой старостата преобразовать Институт.

В текущих делах один из слушателей предложил:

— Товарищи, пока мы еще не организованы, — мы можем распасться, распылиться. Давайте в неделю два раза устраивать собрания, как сегодня, которые нас крепче объединят; т. Тэр будет читать нам доклады, будем решать деловые вопросы.

Это было кстати. Единогласно и с энтузиазмом было принято. С пением „Интернационала“ прошли по всему Институту и разошлись.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ СТАРОСТАТА

Тем временем два основных факультета Института избрали свой старостат в полном составе. Они решили „не признавать“ представителей рабочей части студенчества.

Избранные восемь представителей в старостат по нашему списку явились на заседание старостата и потребовали себе восемь мест. Старостат студенческий раскололся. Одна часть старостата приняла решение организовать коалиционный старостат, другая часть — непримиримая — ушла, оставив за собой право обжалования. Вновь сформированный коалиционный старостат приступил к обсуждению выдвинутых нами предложений согласно постановлению общего собрания новых слушателей. Все наши предложения были приняты.

По вопросу о внешнем преобразовании Института старостат вынес следующие постановления:

1. Московский коммерческий институт переименовывается в Институт народного хозяйства имени К. Маркса.

2. Аудиторию Маркса переименовать в аудиторию имени Г. В. Плеханова. Актный зал — в аудиторию имени Чернышевского.

3. Очистить весь Институт от портретов и надписей старого времени.

4. Поставить памятник т. Люсе Люсиновой, студентке бывш. Коммерческого института, погибшей в Октябрьскую революцию.

5. Аудитории украсить надписями и барельефами.

По вопросу о новых слушателях Института согласно принятому решению общего собрания рабочих-студентов постановлено: организовать новый факультет со всеми правами двух основных факультетов Института, причем управление факультетом организовать по классовому принципу, привлекая к этому делу представителей профсоюзов.

По вопросу о выработке учебного плана постановили: просить совет профессоров организовать комиссию по организации рабочего факультета и выработке учебного плана; ввести двух представителей в комиссию профессоров для защиты точки зрения старостата.

Мы в точности исполняем все постановления старостата. Сдираем портреты и мраморные доски. Тов. Тэр возится со скульптором. Институт преобразается. Но что же дальше? Рабочие „вломились“, говорили студенты, в стены высшей школы. Родилось детище, но что из него должно было выйти, никто еще ясно себе не представлял. Созвано было первое совещание с профессорами.

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ С ПРОФЕССОРАМИ

Основным вопросом первого совещания был вопрос о форме, правах и управлении нового факультета. О программе почти не говорили. Нашу точку зрения развивал т. Тэр, который выдвинул два основных принципа организации факультета:

1) подобно двум основным факультетам, новый факультет пользуется всеми их правами и имеет представительство в органах Института, словом является третьим факультетом Института;

2) по вопросу об управлении, в противовес существующему в двух других факультетах деканату, была выдвинута идея создания коллективного управления из представителей пролетарских организаций: профсоюзов, партийных и советских органов.

Начались „поправочки“.

— Может быть мы организуем курсы при Институте?

— Рабочие не для того вошли в стены высшей школы, чтобы пользоваться крохами, — отвечал т. Тэр, — они пришли затем, чтобы использовать все достижения науки и техники. Профессора университета, великолепно оборудованные лаборатории и библиотеки отныне должны обслуживать слушателей нового факультета на одинаковых началах с другими факультетами.

— Но позвольте — новые слушатели неподготовлены, — о каких равных правах со студентами говорите вы?

— Искони велся такой порядок, — отвечал Тэр, — что самых бестолковых, самых безграмотных людей посылали учителями для рабочих. Поверьте нам — профессор сумеет лучше, чем полуграмотный учитель, поставить дело обучения рабочих. А потому-то общее собрание рабочих — слушателей Института — и постановило организовать не курсы, а факультет, пользующийся всеми правами высшего учебного заведения.

Окончательного соглашения не было достигнуто.

„НАРКОМПРОС С НАМИ“

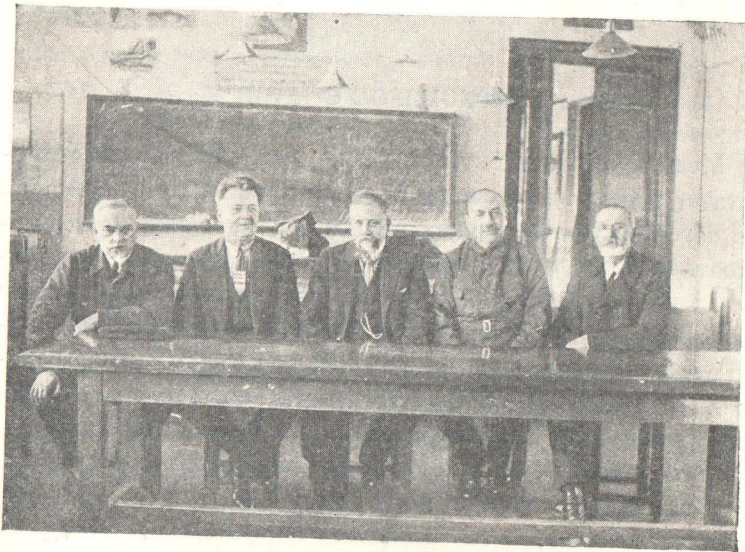
Между тем студенты из непримиримой части старостата, взбешенные своим провалом, пошли в Наркомпрос и наговорили там всяких небывлиц о насилиях над демократическими принципами и т. п.; вернувшись, они грозили нам, что Наркомпрос нас „расчистит“ и утвердит прежний состав старостата. Тов. Тэр и Генденштейн отправились к т. Покровскому и рассказали о положении дел в Институте. Тов. Покровский отнесся с живейшим интересом и не только одобрил наш образ действий, но дал свое согласие на участие в комиссии профессоров и попросил держать его регулярно в курсе дела, что и было поручено т. Генденштейну. Известие о том, что М. Н. Покровский будет работать в комиссии профессоров, обрадовало и открыло нас несказанно.

С этого времени начинается самое близкое и непосредственное участие М. Н. Покровского в организации рабочего факультета. Начинаются непрерывные заседания комиссии профессоров под председательством М. Н. Покровского. Михаил Николаевич берет на себя и идейное руководство этой работой.

ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПРОФЕССОРОВ

Первое заседание открыл М. Н. Покровский.

От профессоров выступил докладчик, который осветил положение дел. Нам было ясно, что профессора надеялись еще на перерешение вопроса о факультете. Но каково же было их удивление и наше торжество, когда Михаил Николаевич в ответной речи развил программу, дословно подтверждающую нашу точку зрения, а в вопросах про-



ГРУППА СТАРЫХ ПЕДАГОГОВ

граммы еще более конкретизировал и детализировал наши общие положения.

Однако, некоторые из профессоров попробовали было опять протащить „рабочие курсы“.

— Вновь записавшиеся слушатели организуют самостоятельный факультет, пользующийся всеми правами высшего учебного заведения — такова точка зрения

Народного комиссариата просвещения, и я ее всемерно поддерживаю, — ответил Михаил Николаевич.

Такая позиция М. Н. Покровского сильно облегчила профессорам примирение с создавшимся положением и они под руководством и при непосредственном участии М. Н. Покровского выработали примерную программу первого триместра. По предложению М. Н. Покровского в программу внесен был ряд предметов, чтение которых должны были взять на себя марксисты.

Нельзя не упомянуть искреннего участия, которое приняли в этом деле некоторые профессора Института, особенно следует отметить участие В. И. Анисимова. Он, по предложению т. Тэра, сразу после выборов в старостат, когда еще некоторые профессора не знали, как ориентироваться, составил первую программу. В. И. Анисимов был первым из профессоров Института, который внес свою долю участия.

Нельзя обойти молчанием также чрезвычайно преданного и энергичного работника по организации рабочего факультета т. Генденштейна, секретаря ячейки Института. Он почти все свое время тратил на организацию рабочего факультета и вынес на своих плечах всю трудную черновую работу. В 1919 г. он был мобилизован на Мамонтовский фронт и геройски погиб за революцию.

„ПЕРЕНЕСЕМ НАУКУ В МАСТЕРСКИЕ“

„Мы штурмовали небо“.

Тем временем, согласно постановлению общего собрания слушателей факультета, шли непрерывно собрания и диспуты, на которых т. Тэр делал доклады. Студенты шутили над Тэром: „Заварил кашу, теперь и расхлебывай“. И он не ударил лицом в грязь — „расхлебывал“ стойко.

В этих диспутах самым жестоким образом был продискуссирован выдвинутый им вопрос о перенесении науки на фабрики и заводы и затем о судьбах и перспективах рабочего факультета. По первому вопросу аудитория сошлась на том, что нужно организовать сеть отделений высшей школы, сеть клубов по производственным районам. В клубы должны ездить профессора факультетов и делать доклады на научные темы по специальностям — для текстильщиков, металлостроителей, электротехников и т. д., превратив, таким образом, клубы в краткосрочные политехникумы. Мысль о том, чтобы слить науку с физическим трудом и сделать ее душой практической работы, сильно воодушевляла собрания.

Очень туго поддавался методам агитации наш брат — интеллигент, интеллигентская часть коммунистической ячейки. Суть предложения заключалась в том, что каждый желающий поступить в высшую школу, все равно, окончил он гимназию или нет, прежде чем попасть туда, должен пройти рабочий факультет, становясь в те же трудовые условия, в каких живет и учится рабочий.

Первый рабфак отличался от нынешних тем, что его слушатели не были оторваны от производства.

Не превращаться в профессиональных студентов, не отрываться от станка, создать союз между фабрикой и высшей школой — таковы были выдвинутые задачи. Развивая и уточняя эту идею, собрание пришло к заключению, что между фабрикой и высшей школой должна быть установлена такая связь: студенты, проходя теорию в высшей школе, проделывают практику на регулярной повседневной работе на фабрике. Но эти две идеи так и остались неосуществленными. Широки были горизонты перед первым рабочим факультетом, и хотя нынешнее его положение не похоже на то, что рисовалось его первым творцам — девятистам рабочим Замоскворецкого

района, тем не менее впереди еще много возможностей. Кто знает? Быть может и этот план, кажущийся нынче фантастическим — перенести науку в мастерские, — станет реальным; ведь мы знаем, что один из великих заветов гласит: „Теория становится силой, когда она овладевает массами“.

ОТКРЫТИЕ ПЕРВОГО РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА

Наконец-то! 2 февраля 1919 г. было назначено открытие первого рабочего факультета в аудитории имени Г. В. Плеханова.

Аудитория украшена портретами и надписями. С хор спущены знамена. Над кафедрой в стену вделан барельеф Плеханова с надписью на стене из его знаменитой речи на II съезде нашей партии об относительной ценности демократических принципов, заканчивающейся словами: „Благо революции — высший закон“. Эти слова были лозунгом первых рабфаковцев в их повседневной борьбе со старым студенчеством за право обучения в высшей школе.

М. Н. Покровский свою приветственную речь посвятил открытию первого рабочего факультета.

Вслед за ним выступили А. В. Луначарский, т. Тэр, профессора и представитель Всероссийского совета профсоюзов. В заключение было оглашено письмо К. А. Тимирязева, которое он прислал в ответ на приглашение нашей организации, отправившейся к нему перед открытием рабфака с целью пригласить на открытие старого борца за вольную высшую школу. Он был чрезвычайно рад и взволнован, но присутствовать на открытии не мог, так как не позволяло здоровье.

„Молодые товарищи! — писал К. А. Тимирязев. — К вам обращается со словами горячего приветия человек, который уже перевалил за вторую половину восьмого

десятка... Рабочий станет действительной разумной творческой силой, когда его пониманию станут доступны главнейшие завоевания науки, а наука получит прочную, верную опору, когда ее судьба будет в руках самих просвещенных народов, а не царей и пресмыкающихся перед ними холопов, хотя бы они величали себя министрами просвещения, академиками, профессорами". Так приветствовал старый могикиан науки первого рабочего, вошедшего в высшую школу.

„Да здравствует первый рабочий факультет!“ — подхватили сотни голосов.

★

М. САЩЕНКО ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НА РАБФАКЕ

В день десятилетия первого рабфака революционные профсоюзы нашей страны с гордостью могут записать на страницы своей созидательной работы успехи и достижения в деле подготовки рабочих к руководству и строительству социалистического хозяйства. Профсоюзы государства, рожденного революцией, посылая пролетариат на защиту ее, не забывали ни на минуту о необходимости завоевания пролетариатом технических высот.

Они, создав в бурю гражданской войны рабочие факультеты, послали лучших сынов на фронт завоевания науки и техники. Рабочие факультеты, возникшие в пору гула снарядов, в годы полного разорения хозяйства страны, приняли в свои стены полуголодных, полураздетых пролетариев, крепких своей революционной стойкостью.



ИСПОЛБЮРО РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА
Сидят: слева направо: Киров, Калинин, Шульженко, Тарасов, Гиндес, Еремчук.
Стоят: Журковский, Можеев, Белотелов и Гладков.

Условия времени создания рабфаков положили свой отпечаток на работу первых рабфаковских организаций, в том числе и профессиональных. Нашим предком может считаться студенческий комитет, созданный впервые как организационный центр руководства профессиональной жизнью рабфака.

Документы, оставшиеся после студкома, свидетельствуют, как многогранна и напряженна была его работа. Голод в стране, недостаток топлива, отсутствие товаров, враждебные взгляды интеллигенции заняли большое место в протоколах студкома. Студенческому комитету, кроме завоевания позиции на учебном фронте, кроме нащупывания форм работы и общего языка с преподавателями, выпала на долю работа по обеспечению студентов питанием, одеждой и пр. Едва ли не на каждом заседании производилось распределение муки, сала, сахара и т. д. Студком же вел и борьбу за сохранение рабфаковского имущества, которое сплошь и рядом употребляли на топливо.

Рабфаковская масса не могла не видеть в лице студкома свою профессиональную организацию, так как он обслуживал интересы всего студенчества. Так как наши рабочие факультеты находились при Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова и Московской горной академии, то история организации наших профсекций есть история организации профсекций этих наших двух вузов. Рабфаковцы, связанные непосредственно с губотделом и ЦК союзов, вначале группировались по принципу профессиональной принадлежности.

Группы эти представляли в вузах около 22 профсоюзов, на рабфаке несколько меньше. Когда студенческий комитет получил окончательное положение о профсекциях при учебных заведениях (до этого времени их не имели и губотделы), он стал перед вопросом сокраще-

ния профсекций. В этом направлении была проделана громадная работа. И при умелом партийном руководстве к началу второй половины 1923 года окончательно оформились профсекции. С этого времени и начинается четкая линия работы профсоюзов в общественной и академической жизни рабфаков.

★

С. И. ЗАБОЛОТСКАЯ ВОСПОМИНАНИЯ ПЕДАГОГА

Живо встает в моей памяти первое впечатление от устремленных многочисленных глаз рабфаковцев при входе в переполненную аудиторию. В них светилось столько жажды знаний и пытливости и в то же время веяло такой юношеской энергией и свежестью сил, что невольно явилось сознание своей серьезной ответственности, зажглось желание как можно больше им дать, как можно больше над собой работать. Может быть не удалось сразу правильно подойти к новому студенчеству, может быть моя вступительная лекция грешила в отношении глубины эрудиции, но я чувствовала острый, бодрый подъем духа, вдохновлялась энтузиазмом в присутствии своих слушателей. Их упорное внимание, их фиксированный взор и безмолвная тишина говорили об интересе не к биологии, а вообще к науке, служили залогом полного сознания возложенных на них задач, а молодость и неисчерпаемый запас энергии гарантировали успешность и плодотворность предстоящей работы.

Скоро установился невидимый контакт, найдена была подлинная жизненная аудитория, определились смысл и характер дальнейшей педагогической деятельности.

Это был тот поворотный путь общественной работы, который неизбежно ставит перед преподавателем ряд

неотложных серьезных вопросов. Мало было получить живой, сознательный кадр учащихся, но нужно было стать достойным такой аудитории; другими словами, перед педагогом встала насущная необходимость помимо умения передать другим свои знания, подвигаться самому вперед таким же быстрым темпом, каким шла окружающая обновленная жизнь, и влиться самому в эту кипучую жизнь.

Для этого нужно было установить не внешнюю, формальную связь со своим студенчеством, но быть скованным с ним едиными мыслями и целями, приобрести родство идеологическое, идти в ногу с передовым общественным движением. Необходимо было не только учить, но и самому многому учиться у молодого, чуждого старым воззрениям, здорового духом поколения.

Поэтому когда назрел вопрос о программах, то пришлось строго взвешивать запросы и учесть требования нового студенчества, которое не успело еще себя вывить в достаточной степени и к которому надлежало приступить с большой чуткостью и осторожностью. Тут-то педагог вступал на новую широкую дорогу своей инициативы, своего творчества.

Оценивая это время глазами настоящего, я должна признать, что отсутствие строго зафиксированной программы было положительной чертой для работы педагога. Присматриваясь к разносторонним запросам рабфаковца, педагог сам никогда не дремал, интенсивно жил своим интеллектом, непрерывно искал животрепещущего материала и новых методических путей, чтобы овладеть аудиторией и создать должный авторитет. Педагог не чувствовал себя автоматом, перспективы которого сужены тесными рамками продиктованной программы и которому предписан определенный методический подход, но он, понимая выдвинутые жизнью задачи, сам был в роли инициатора, в роли изобретателя.

С быстротой молнии приходилось иногда менять тему занятий, ломать весь намеченный план, когда педагог улавливал несоответствующее настроение новой по идеологии и составу аудитории.

Педагог не мог быть застывшим футляром, он должен был быть гибким, изворотливым, он широким взмахом охватывал всю жизнь и раздвигал свои культурно-педагогические горизонты. Педагог нес глубоко продуманные мысли в аудиторию и уходил с громадным запасом возникших в процессе занятий новых вопросов и тем, возбужденных слушателями, а стало быть выдвинутых самой жизнью. Перед педагогом стоял не сонный ученик, добросовестно выполняющий предложенные задания, а критически ко всему относящийся рабфаковец, желающий в короткий срок постигнуть многое для того, чтобы на практике приложить приобретенные знания и навыки, слить воедино на жизненном поприще труд и науку.

★

ИВ. ПОНОМАРЕВ

БЫТ РАБФАКОВЦА

Быт рабфаковца еще не насчитывает своего десятилетия, во-первых — потому, что первые годы существования рабфака, заполненные борьбой за свое существование, не характеризуют его как вполне оформившуюся учебную единицу; во-вторых — потому, что тогда социальный состав рабфаковцев отличался своей пестротой, так как первый декрет советской власти о свободном доступе в школы — „школа для всех“ — не ограничивал строго в классовом отношении поступающих. Этим воспользовались буржуазные „сынки“ и интеллигенты.

Позднее, когда рабфак окреп, в основу его был положен, как известно, строго классовый принцип. Рабфак

начал заполняться студентами исключительно из рабочих и крестьян.

Понятно, что черты быта, когда учились только приходящие рабочие Москвы, когда еще не было общежития рабфаковцев, приехавших со всех концов Союза, когда не было, следовательно, единой рабфаковской среды вне рабфака, бледны и нехарактерны. Настоящий



ИЗ БЫТА РАБФАКОВЦЕВ

быт рабочего студента стал складываться к 1921 г. К этому времени рабфак из вечернего превратился в дневной и был выделен в самостоятельную учебную единицу. Этот год в бытовом отношении особенно интересен, так как создавалось тогда все вновь.

Первым всплыл вопрос об общежитии благодаря тому, что состав слушателей за счет приезжих из провинции увеличивался. Здание под общежитие было отведено

в Ремизовском переулке, в котором помещается теперь 2-е рабфаковское общежитие. До этого там был военный госпиталь, комнаты были огромны, почти на целый этаж каждая. Окна за немногими исключениями были забиты фанерой, а в комнатах кроме „четырех стен“ ничего не было. Наступала зима... Одеты рабфаковцы были — кто во что — одни в старые пиджаки, другие — в вытертые и выцветшие шинели, доставшиеся им в наследство от гражданской войны. Эта одежда отличалась своей универсальностью — днем она была обыкновенной одеждой, а ночью — служила одеялом, матрацем и подушкой. Спали на полу, — ни о каких койках и других удобствах и речи не было. Ночами, когда холод становился нетерпимым, рабфаковцы вставали, и начиналась „любительская“ свалка... Нагревшись, снова ложились спать.

Больным местом в жизни рабфаковцев был материальный вопрос¹⁾. Рабфаковцы получали паек на целый месяц сразу: 15—20 фунтов хлеба, 5—10 фунтов сельдей, несколько штук папирос, соли, прессованных кроликов, репу и проч. Часто вместо печеного хлеба выдавалось 25—30 фунтов ржаной муки. Получалось так, что сначала — длинные очереди стояли за мукой, а затем — такие же очереди, но только уже с мукой, чтобы обменять ее на печеный хлеб. Чаще всего муку приходилось сдавать частнику, ну и, понятно, последний на рабфаковской муке зарабатывал. Такой слишком скромный да к тому же сразу выдававшийся паек — ставил ребят перед необходимостью иметь какой-либо приработок.

Работали, где попало: на вокзалах, на Москве-реке, в типографиях, статистами в театрах. Самой выгодной работой оказывалась выгрузка дров на вокзалах. Выгружавшие ухитрялись уносить по полену дров, а затем —

¹⁾ Использован материал из воспоминаний г. Дунаева.

Зацепский рынок был местом „товарообмена“ дров на хлеб.

Большую роль в улучшении питания сыграл Кооператив рабочих факультетов, организованный в 1921 году. Кооператив обслуживал исключительно рабфаковцев. Первоначальные средства его составлялись из взносов правлений рабфаков, а несколько позже были введены паи для каждого рабфаковца. В деятельности кооператива были заинтересованы все рабфаковцы, и это сказывалось на их предприимчивости.

Часто под видом экскурсии рабфаковцам предоставлялся вагон. „Экскурсия“ направлялась в тот или иной хлебопроизводящий район, и оттуда привозились хлеб и другие продукты.

Все это относится к периоду 1921/22 года. Это самый трудный в продовольственном и жилищном отношениях период. Чрезвычайно характерно, что эти годы представляют собой период самого здорового быта. Совершенно отсутствовали всевозможные упадочные настроения, нытье, разочарование и тому подобное.

Взять хотя бы общежитие ¹⁾. Жизнь рабфаковца делилась на время учебы и время отдыха; последнее обыкновенно протекало в горячих спорах на самые различные общественные темы. В клубе сосредоточивалась вся внеучебная работа рабфаковцев. Работали десятки кружков, из которых видное место по размаху работы занимали кружки общественно-политические и физкультурные.

Рабфаковцы из общей институтской массы выделялись своей монолитностью и образцовой спаянностью. Этим объясняется то, что рабфаковцы впоследствии в институте „заправляли“ всеми делами. То же можно сказать

¹⁾ В этом же году вопрос с общежитием был улажен — были добыты кровати, общежитие отапливалось и обстановка изменилась.

и об отношениях рабфаковцев к преподавателям и к самой учебе. Всегда чувствовалось добросовестное отношение к работе, самодисциплина, твердость и уверенность в своих силах, а преподаватели постоянно были окружены их вниманием. Такое внимательное отношение заставило многих преподавателей сознательно переходить на сторону рабфаковцев.

Рабфаковцы были спаяны и дружны не только в своей учебе, — но и за пределами рабфака.

Примерно, проводится трехдневник туберкулеза и рабфаковцы собирают сто тридцать один миллиард рублей. Цифра и для того времени — внушительная. Или еще. Когда рабфаковцы заняли общежитие и зима застала их „раздетыми“, то они первыми поддержали мысль о заготовке дров своими силами — была установлена очередь и рабфаковцы партиями выезжали под Москву на заготовку.

Рабфаковцы вообще во всем проявляли и развивали большую самостоятельность. Надо было только родиться какой-нибудь идее, которая определяла бы положительную перспективу для рабфака и рабфаковцев, как это быстро проводилось в жизнь силами общей массы рабфаковцев.

Приведем отдельные штрихи из жизни рабфака и его организаций позднейшего периода, отразившиеся в тогдашней стенгазете „Артемовец“.

— „Фи, какие эти новые студенты. Как войдут в канцелярию, от них так и прет углем, дегтем, смолой. Ужасно... Прямо невозможно, — волновались барышни, увидевши рабфаковцев.

— На уроке математики: „периунд“ говорит рабфаковец; „не периунд“, а „период — запомните“, замечает преподаватель.

— „Пошто“ или „конешно“ — вы очень дубовато выражаетесь, — смеясь — заметил преподаватель русского языка.

— „Вытрите, вытрите сейчас же, я видела как вы сморкнули на стенку! — кричала Мария Александровна.

„Комната № 68 постановила в комнате не курить, не ругаться, два раза в день подметать пол; от 12 до часу ежедневно читать газеты. А в другой — что делается?“

Приведенные места говорят сами за себя.

Вначале спавший на полу, прикрывшись рогожей (ему к этому не стать привыкать), рабфаковец, от которого несло углем и дегтем, который не в состоянии был произнести правильно иные слова, все-таки твердо и уверенно, преодолевая на своем пути целый ряд лишений, прокладывая себе дорогу вперед. Он создал крепкую действительную рабочую школу, через которую рабочие и крестьяне из года в год мощным потоком вливаются в стены высшей школы. На таком трудном пути он все-сторонне развивался, приобщался к культуре, создавал новый пролетарский быт. Рабфаковцы на деле показали себя действительно способными завоевать вершины науки и создать из себя кадры настоящих строителей нового общества.

Каков быт рабфаковцев в наши дни? Сохранились ли те старые традиции рабфаковского быта: коллективизм, спаянность отношений, единение в учебе и отдыхе и т. п., которые выкристаллизовались в первые годы рабфака? Да, сохранились.

Тот крепко спаянный коллектив, который был организован в первые годы существования рабфака, еще до сих пор сохранил свои прежние традиции, а также внес много нового в рабфаковскую среду. Рабфак — это одна из школ нового быта, опыт которой должен быть использован в других вузах. На своем десятилетнем пути рабфак имеет огромные достижения.

Это — именно школа, в которой рабфаковец, пробыв 3—4 года, преобразуется, выходит совершенно новым, способным успешно выполнять общественные и государственные обязанности.

★

ВАСИЛИЙ НИКИТИН

РАБФАКОВКЕ

С лицом задумчивым и нежным
Ты смотришь ласковой сестрой,
И формул алгебры безбрежной
Не одолеть тебе порой.

Готова чуть не до рассвета
Усталая читать урок,

Упорно думая при этом

Преодолеть премудрость строк.

Хотел бы я при встрече краткой

С тобой невзгоды разделить,

Но лишь приходится украдкой

Тебя улыбкой подбодрить.

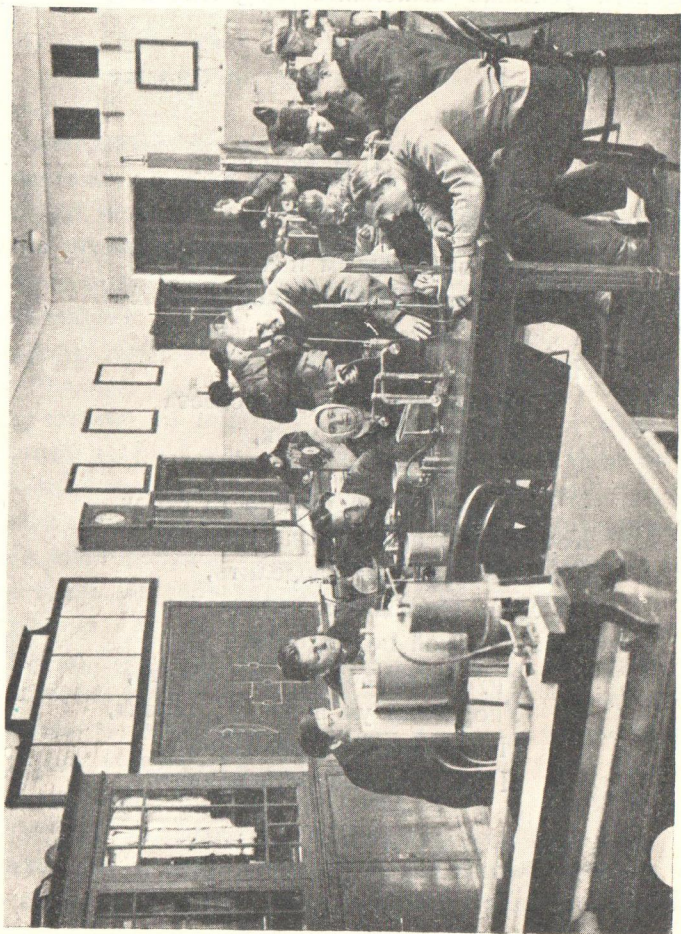
Трудом серьезным ты объята,

Упорством ум и взгляд проник,

И взором любящего брата

Я на тебя смотреть привык.

★



РАБФАКОВЦЫ В ФИЗИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ

НА РАБФАК

ОЧЕРК

Дни таяли, как снег под лучами весеннего солнца. Весной деревня улыбалась цветущими садами. Летом смеялась во весь рот, наполненная звоном кос, журчанием ручья и нежным шумом сена, сушившегося на разгоряченном солнечным теплом лугу.

Осенью плакала деревня. Некуда ей было упрятаться от ливней... Но слезы ее были радостные... И еще бы не радоваться, если ее распирало от зерна, овощей, фруктов, сена и молока. Зимой она мирно засыпала сытым довольным сном и тихо-тихо дышала. Ей снилось, что опять придет весна, опять жаркое лето зазвонит косами, серпами.

Ваня, молодой селькор, жил радостной задорной жизнью. Огмечал в газете все достижения в мужичьих трудах.

Не нарадоваться Ваниному сердцу. Год от году урожайнее поля, сады, огороды, год от году удойнее коровы.

Растет культура, ширится.

Радость росла с каждой новой осенью. Но последняя осень еще большую радость принесла Ване. Он получил из редакции письмо:

„Дорогой товарищ, редакция командует тебя, как активного селькора-общественника, на рабфак...“

Радость подкинула Ваню к потолку...

А на другой день Ваня сидел в вагоне мчавшегося поезда, и чудилось ему, будто колеса стучат: „На рабфак, на рабфак, на рабфак“.

В. М.

★

Б. К. ОДИНЦОВ

У ИСТОКОВ РАБФАКА им. АРТЕМА

(Из воспоминаний преподавателя)

Хорошо не помню, в 1919 или 1920 году открылась при Московской горной академии школа штейгеров, маркшейдеров и горных десятников. Приехали в Москву горняки, огляделись, хватили учебы. Понравилось, потянуло дальше, и глубоко запала им мысль дотянуться до своего вуза — Московской горной академии. Московские рабочие, уже открывшие тогда свой Плехановский рабфак, подсказали им своим примером, как это сделать. И вот в мае 1921 года II съезд горняков постановил открыть рабфак и поручил это дело своему вузу — Московской горной академии, а в конце того же года в муках голода и холода родился Артемовский рабфак.

Родился он, как и полагается, маленьким и весь уместился, как в колыбели, на одном третьем этаже теперешнего своего здания. Все его приданое состояло из нескольких десятков парт да десятков столов. Не было у него ни оборудования, ни книг, ни учебных пособий, а была лишь железная воля жить и развиваться.

Первые дни рабфака проходили под знаком борьбы за учебное здание и здание для общежития. Здание для общежития (по Большой Полянке, дом № 48) кое-как удалось отбить у Военного ведомства. В этом здании тогда помещалась гауптвахта. Учебное здание постепенно

было изъято от 2-го МГУ. Сначала удалось получить только третий этаж ныне занимаемого рабфаком здания.

7 февраля 1922 года без всяких предварительных торжеств, зачисленная на рабфак первая партия рабочих, в большинстве своем горняков, собралась, засела за парты и принялась за учебу.

Было и холодно и голодно, но все мы, преподаватели, студенты и служащие, жили сплоченной, дружной семьей. Ели мы все одно и то же (со служащими и преподавателями делились своим пайком студенты), почти одинаково все одевались: те же валенки, те же полутеплые курточки или поношенные пальтишки.

Занимались мы по группам в отдельных комнатах, но во время перерывов между уроками все сходились в единственном теплом месте, именно в той комнате, где теперь помещается физическая лаборатория. В этой комнате разместилась немногочисленная канцелярия, здесь же были учебная часть и президиум. Сюда почти к единственной на рабфаке печурке-временке собирались из промерзших аудиторий погреться и покурить преподаватели и студенты.

Упадочных настроений здесь не было, плаксивых слов здесь не говорилось; наоборот, преподаватели и студенты взаимно старались поддержать друг в друге столь необходимую для общей работы бодрость.

Нелегко жилось студентам и в общежитии. Тогда ведь ни буфетов, ни столовых не было, а приходилось студентам готовить себе пищу самим. Для этого они должны были из Московской горной академии тащить трехаршинные бревна (в таком виде тогда из рощ доставлялись дрова) и за неимением пилы при помощи только колуна и крепких своих мышц превращать их в топливо для маленьких печурок. Дело это было нелегкое, особенно после учебных занятий и в полутьме, а все-таки не уны-

вали. Не было света, подчас замерзала в водопроводе вода, но тем не менее ни взаимной вражды, ни претензий среди студенчества не было, была единая дружная семья, все члены которой сознавали, что они приехали в Москву с единственной целью учиться.

Теперешнему составу студентов, которые так часто сетуют на свое все еще тяжелое положение, а иногда, к сожалению, и приходят в отчаяние, не мешает почаще вспоминать прошлое своих старших товарищей.

К концу мая 1922 года рабфак завладел всем нынешним своим зданием по Большой Полянке. Оба здания, и учебное и здание студенческого общежития, были сильно разрушены; необходим был генеральный ремонт.

Главпрофобр, относившийся тогда с большим пессимизмом к существованию не только рабфака, но и самой Московской горной академии, от денежной помощи рабфаку уклонился. В эту тяжелую минуту на помощь рабфаку пришли ЦК ВСГ и возглавляемая Ив. Мих. Губкиным Московская горная академия. Непрерывная помощь союза горняков и Московской горной академии дала возможность Артемовскому рабфаку привести в порядок принадлежащие ему здания, оборудовать лаборатории и кабинеты и вообще наладить свою учебную работу настолько, что Институт народного хозяйства имени Плеханова не побоялся в прошлом году связать судьбу своего рабфака-первенца с крепким и мощным рабфаком Артема.

★



С. ЗУЕВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РАБФАКОВЦА

Осенью 1919 г. я возвращался с фронта, после демобилизации из Сибири. Долгожданный и заслуженный отдых не особенно радовал. Перспектива сидеть в глухой уральской деревушке после испытаний, переживаний и впечатлений богатой событиями революционной эпохи не особенно радовала меня, и я задавал себе вопрос: „Что же делать дальше?“ На бесконечных остановках поезда Западно-уральской дороги я выходил из вагона и подолгу бродил, обдумывая этот вопрос. На станциях были расклеены многочисленные объявления, приглашающие побывавших на фронтах в военные школы. Они сразу привлекли мое внимание, и здесь же родилась мысль, решившая мучительный вопрос. Что делать? — Учиться. Эта мысль завладела мной и преследовала по пятам. Работа, которая предстояла после демобилизации, почти на два года отодвинула осуществление заветной мечты, и

только в 1921 г. я поступил на первый рабочий факультет при Московском институте народного хозяйства.

Подбор тогдашних рабфаковцев был из числа стойких и выдержанных ребят. Большинство из них пришли на рабфак прямо с фронтов гражданской войны. Рваная шинель и шлем тогда почти преобладали в одежде рабфаковцев. Понятно, что для товарищей, прошедших через огонь гражданской войны, никакие лишения не были препятствием на пути в высшую школу. Жажда знаний и ответственность перед рабочим классом, пославшим их учиться, были настолько велики, что все остальное отступало на задний план.

Жилищные условия были также весьма неблагоприятны. Общежитий не было, а незначительное количество жилищной площади, которое было отвоено у старых студентов в единственном общежитии, не могло удовлетворить и сотой доли потребности. Теснота, скученность, холод, отсутствие освещения и воды — вот чем характеризуются тогдашние жилищные условия рабфаковцев. Пойдешь, бывало, умываться, намылишь лицо, голову, а в это время прекратится вода. Сотрешь полотенцем мыло и идешь на занятия.

Были и другие серьезные препятствия. Рабфаковцы натолкнулись в Институте на сопротивление части старой профессуры и почти всего старого студенчества. Каково было тогда положение, об этом лучше всего говорит тот факт, что в Институте не было даже партийной ячейки, а студенты-коммунисты исчислялись единицами. Небольшая группа их, возглавляемая тт. Юрисовым, Арутюнянцом, Шестерниным и др., вела до нас неравную борьбу со старым студенчеством и частью враждебно-настроенной профессуры.

Все эти обстоятельства однако не могли сломить воли к учебе у пионеров-рабфаковцев.

Нельзя умолчать, что в вопросе упорядочения учебы и вообще подготовки рабфаковцев немалую роль сыграла преданная своему делу и честнейшая часть старых преподавателей. Из них в нашем рабфаке нельзя не указать на А. В. Глазова, А. В. Митрофанова и ряд других преподавателей, которые неустанной и самоотверженной работой помогали рабфаковцам пробивать двери в высшую школу.

Еще одна небольшая деталь из жизни нашего рабфака. Наша рабфаковская канцелярия, если можно так выразиться, была идеалом подобных учреждений. Канцелярия держала живую связь с массой рабфаковцев. Ни бюрократизма, ни волокиты. Любую справку и разъяснение рабфаковцы получали без задержек.

К 1923—1924 гг. жизнь на рабфаке вошла в нормальную колею настолько, что можно было подумать и о других областях работы. В первую очередь начались массовые экскурсии. Летом 1923 г. в Крым поехала первая экскурсия рабфаковцев, а зимой начались экскурсии в Ленинград.

В 1924 г. происходил первый массовый выпуск первого рабфака. В яркий весенний день стройными колоннами с музыкой двинулись на Воробьевы горы. С нами были почти все преподаватели. Не было только виновников нашего торжества — первых организаторов рабфака тт. Тэр-Ваганьяна и Халатова. Вскоре однако явились и они. Приехали на лодке через Москва-реку со стороны Девичьего поля. Их скоро заметили, окружили густой толпой и долго качали. Тов. Тэр-Ваганьян не преминул воспользоваться случаем и прочитал нам по обыкновению наставление. „Подлил ложку дегтя в бочку меда“, как он выразился. За приветствиями, играми и прочими развлечениями на Воробьевых горах незаметно прошел день. Возвращались домой темной ночью

с новыми чувствами, с новыми задачами и трудностями впереди.

Наш рабфак не забыл и ту область, где Советское государство ощущает острую нужду в своих преданных специалистах — это научная область. Ряд товарищей прямо с рабфака был направлен в Институт красной профессуры на подготовительное отделение. Из них можно указать на тт. П. Н. Рыбакова и Г. К. Радыгина. Теперь эти товарищи уже кончают ИКП и скоро встанут в ряды научных работников. П. Н. Рыбаков — рабочий-слесарь. Поступил на рабфак ИНХ в 1921 г. непосредственно из армии, где был непрерывно в течение трех лет на самых боевых участках фронта, а также в течение года в польском плену. Тов. Рыбаков был первым секретарем ячейки и членом президиума рабфака. На этой работе он много способствовал развитию и укреплению рабфака. Г. К. Радыгин — рабочий-резинщик. Поступил на рабфак также прямо из армии, где был командиром батальона. На рабфаке он был бесменно на выборных постах в партийных и студенческих организациях. Таких примеров можно было бы привести очень много. Но и этого достаточно, чтобы судить о том, что бывшие рабфаковцы твердой поступью идут не только к командным хозяйственным высотам, но и к вершинам научного знания.

Десять лет, которые отделяют нас от дня организации первого в мире рабфака, не прошли даром. Рабочие и крестьяне, которые лишены были возможности учиться до революции, теперь завоевали прочные позиции в высшей школе. Это одна из величайших заслуг рабочих факультетов.

★

П. КРИКУНОВ

ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ РАБФАКУ

Под ветром дрожала, кружилась листва,
Грустили деревья некстати;
В ту осень меня ожидали — Москва
И море учебных занятий.

★

О, радость!.. Я еду учиться в рабфак,
Мне жизнь этот путь показала.
На плечи накинув дырявый армяк,
С котомкой я вышел с вокзала.

★

Меня ошарашили рокот и гул
Трамваев, такси, автобусов,
Поток новой жизни в глаза мне плеснул,
О, сколько в ней тонкостей, вкусов!?

★

Горю я стремленьем, желаньем горю —
Скорей бы приняться за книги,
Понять, как пришли мы в борьбе к Октябрю,
Как жизнь перестраивать, двигать...

★

В те годы, когда бушевала страна
И крепла с бандитами драка,
Рабочая школа была создана
Под гордым названьем рабфака...

★

Вот сбиты бандиты... Юденич, Колчак
Бежали, оскаливши пасти,

Их били с упора, их били с плеча
Полки укрепившейся власти.

★

Победа за нами! Недаром борьба
В груди нашей кровь зажигала,
Но... снова тревожно забил барабан,
На новый поход собирая.

★

На фронт битвы новой с полей, от станка
Сзывал он кафтаны и блузы,
И те, что узнали опасность штыка,
Пошли в наступленье на вузы.

★

О, наши просторы и горы и гладь, —
Строительство нового мира!
Борьбу, индустрию, культурную кладь
Воспой, моя скромная лира!

★

Рабфак, мой рабфак! Ты взлетел высоко,
Нет слов, чтобы выразить чувство,
Воспеть твою гордость и мощь нелегко:
Великое нужно искусство!

★

Из нас ты готовишь вождей и бойцов,
Нас жаждет и требует масса;
Мы честно заменим погибших отцов
За дело рабочего класса.

★

104

ИВАН СОБОЛЬ

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ РАБФАКОВЦЕВ

Еле уловимым рассветом дрогнул восток, а улицы
московские еще тихи и как-то по-утреннему угрюмы.

Все тихо и сонно в прозрачном предрассветном тумане.
В такую пору шестиэтажное здание рабфаковского обще-
жития, как и все дома, кажется угрюмым и молчаливым.

Внутри общежития тоже мрачно. Как-то безразлично-
молчаливо смотрят на тебя десятки дверей своими номер-
ками и дощечками, с фамилиями жильцов...

Но вот где-то, на пятом или на четвертом этаже,
звучно проскрипела дверь, рассыпая звуки чуть ли не
по всему общежитию, и нарушая мирно-спокойную тишину,
прошлепали по гранитным ступенькам калоши, а у вход-
ных дверей здания шумно завозился швейцар, открывая их.

Звонкоплещущими струями полилась вода из умываль-
ников. Это проснувшиеся ребята-физкультурники отвер-
нули краны и моются: они всегда раньше других про-
сыпаются, переключиваются между собой, будят своих
товарищей.

Все больше и больше разгорается утро... Будто волны
прибоя бьют в морские берега, эхом отдаваясь в про-
странстве — так плещутся шум и говор в стенах обще-
жития. К семи часам просыпаются почти все, а к восьми
громкий, пронизывающий звонок извещает: „Бери кипяток
в кубовой!“ Еще больше суетится муравейник. Одни из
дежурных по комнатам бегут за кипятком, другие — за
хлебом, а кое-кто к товарищам за каким-либо делом.
Утром редко кто занимается, лишь освежает в памяти
вчерашние формулы и законы, да и то немногие, а по-
этому шумно и весело в общежитии.

Второй звонок вносит еще больше оживления и шуму.
С песнями, с громким разговором и задорно-бодрой пере-

105

кликкой отправляются ребята на рабфак. Тут уж новая жизнь. Со свежими силами как-то радостно браться за амперметры и вольтметры, за пробирки с кислотами и солями, за линейки и циркули. Чувствуется какое-то ликование и рвение. Посмотришь кругом — лица у всех серьезные, деловые; каждый решает какую-либо задачу или продумывает какой-либо вопрос.

На младших курсах ребята еще не совсем привыкли самостоятельно работать, а поэтому больше слушают преподавателя, чем работают сами, на старших курсах — наоборот.

Не чувствуется над тобой ни начальства, ни слишком грозных приказаний преподавателей, каждый работает, сколько хватит сил, но зато работают все добросовестно. Правда, некоторые товарищи иногда опаздывают на первые часы занятий, но такие случаи нечасты, и большинство их находит оправдание. А тех, кто просто любит утром поспать, групптройки вздергивают по-товарищески, но хорошенько на групповых собраниях.

До четырех часов идет напряженная работа мысли... В это время шумны лаборатории: физические, химические, математические и др. В одних из них вычисляют силу и напряжение токов в проводниках или изучают свойства теплоты и законы свободного падения тел, в других — ломают головы над вопросом о происхождении нефти, добывают разные соли и кислоты реакциями взаимодействий и соединений, в третьих — выводят и разбирают формулы по геометрии, тригонометрии и алгебре. В аудиториях изучают вопросы социальных взаимоотношений, разбирают вопросы истории труда или вопросы земельной ренты, капиталистической эксплуатации и империализма.

Часто такую обстановку нарушают спешные и непродолжительные групповые собрания, очень редко — курсо-

вые, которые бывают обыкновенно после занятий вечерами.

Десятиминутные перерывы между уроками даром тоже не пропадают. В это время с большей силой разгораются споры, и льется потоком все невысказанное во время урока. Шумно так, что непривычному человеку — хоть



РАБФАКОВЦЫ ГОТОВЯТ СТЕНГАЗЕТУ

убегай скорее. Каждый хочет говорить и доказывать. Спорят и о том, почему неизбежен крах капитализма, и о том, права ли Сейфуллина, позволяя в своей повести „Перегной“ своим героям-коммунистам принимать в партию кулаков. А в коридорах в это время мощный хор затягивает веселую молодую песню, или под трескотню ладошек танцуют „кавказскую“...

...Но вот солнце склоняется к западу, оно как-то незаметно быстро плывет низко-низко по южной окраине города в синеве морозного неба...

Близится конец четвертого часа. Затихают аудитории, одиноко на столах и в шкапах остаются электрические приборы, штативы с пробирками и горелки на столах. Одна за другой расходятся группы, немножко уставшие и голодные, но бодрые и веселые... Потому бодрые и веселые, что работают самостоятельно, с сознанием, что эта работа принесет пользу, большую пользу и для них и для общества. После обеда — большинство час-полтора отдыхают. А вечером от шести часов ручейками растекаются ребята во все концы: кто на собрание профсоюзной или партийной или комсомольской ячейки, а кто — на собрания добровольных обществ. Здорово достается частенько активистам, потому что иногда бывает так, что на два собрания в один и тот же час надо идти. Тогда злятся некоторые, крепко ругаются, грозятся продернуть в стенгазете „руководящие головки“ (так в рабфаковской среде называют руководителей и председателей), но все-таки ухитряются и здесь и там побывать. Правда, есть и такие, которые стремятся отвиться от собраний, но таких мало, причем большей частью у них есть какие-либо для этого уважительные причины.

Иногда бывают свободные от собраний и кружков вечера. Каждый может использовать вечер так, как ему хочется: отправиться ли на каток, пойти ли в кино или в театр, или просто подготовить уроки к следующему дню.

Дружно живут рабфаковцы — каждый тянется к другому, к товарищу. Если уж собираются на каток, то не иначе, как 7—10 человек, в кино тоже. В одиночку почти не ходят: как-то скучно и не так интересно одному.

Большую радость и оживление вносят вечера самодеятельности, которые бывают хотя и редко, раз в две-три недели, но тут уж можно и „себя показать и других посмотреть“. Песни, пляски, декламации, рассказы... Живо и весело проходят такие вечера.

Однако и вечер на исходе. Скоро, скоро двенадцатый час ночи. Ручьями весенними тогда вливаются в общежитие ребята, усталые за день. В такую пору меньше шуму, чем в восемь часов утра. Некоторые устраиваются на отдых, другие еще просматривают газеты и журналы...

Через большие промежутки времени с резким шумом и лязгом проносятся одинокие трамваи, всматриваясь в темноту московской ночи своими глазами — фонарями, а муравейник все больше и больше затихает. Наступает время сна. Муравьи-рабфаковцы крепят свои силы, чтобы утром начать новый трудовой день.

★

РАБФАК В ЦИФРАХ

1. СОСТАВ СТУДЕНТОВ РАБФАКА ИМ. АРТЕМА (ОБЪЕДИНЕННОГО)

	Число студ.	Рабочих	Крестьян	Прочих	Член. ВКП(б)	Член. ВЛКСМ	Б/п.	Мужчин	Женщин
1927/28 уч. г. дневн. отд.	622	367	207	48	248	257	117	544	78
в 0/0/0		59	33	8	40	41	19	87	13
вечерн. отд.	571	384	65	122	197	233	141	490	81
в 0/0/0		67	11	22	34	41	25	86	14
1928/29 уч. г. дневн. отд.	618	384	189	45	242	275	101	508	110
в 0/0/0		62	31	7	39	44	17	82	18
вечерн. отд.	597	446	48	103	221	237	139	510	87
в 0/0/0		75	8	17	37	40	23	85	15

110

2. СОСТАВ СТУДЕНТОВ РАБФАКА ИМ. АРТЕМА С 1922 ПО 1927 ГОД

	Число студ.	Рабочих	Крестьян	Прочих	Член. ВКП(б)	Член. ВЛКСМ	Б/п.	Мужчин	Женщин
1922 г.	159	128	5	26	48	38	73	142	17
в 0/0/0		81	3	16	30	24	46	89	11
1922/23 уч. г.	244	203	9	32	84	55	105	212	32
в 0/0/0		83	4	13	34	23	43	87	13
1923/24 уч. г.	282	225	29	38	121	59	102	263	19
в 0/0/0		80	7	13	43	21	36	93	7
1924/25 уч. г.	277	217	18	42	136	71	70	257	20
в 0/0/0		79	6,5	14,5	49	26	25	93	7
1925/26 уч. г.	341	249	77	15	166	114	61	322	19
в 0/0/0		73	23	4	49	33	18	94	6
1926/27 уч. г.	344	212	126	6	148	137	59	322	22
в 0/0/0		62	37	1	43	40	17	93	7

111

3. СОСТАВ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РАБФАКА им. АРТЕМА на 1928/29 УЧЕБН. ГОД.

	Педагогич. стаж.					Партийн.			Образование.				Стаж на рабфаке.			
	До 5 лет.	От 5 до 10 лет.	От 10 до 15 лет.	От 15 до 20 лет.	Свыше 20 лет.	Чл. ВКП (б).	Чл. ВЛКСМ.	Б/п.	Высшее.	Незаконч. высшее.	Среднее.	Студенты.	Поступ. в			
													1919 г.	1920/24 г.	1924/28 г.	
Преподавателей																
83	4	21	17	11	30	9	1	73	71	4	2	6	8	38	37	
Лаборантов																
11	6	2	3	—	—	—	—	11	4	1	1	5	—	1	10	

4. ОКОНЧИЛО РАБФАК

Годы.	Рабфак им. Плеханова.		Рабфак им. Артема.	Всего.
	Дневн. отд.	Вечер. отд.		
1921	—	20	—	20
1922	24	26	14	64
1923	23	32	43	103
1924	240	48	71	359
1925	170	35	90	295
1926	84	47	77	208
1927	95	50	70	215
Объединенный рабфак.				
1928	217	41	—	258
Всего . . .	858	299	365	1 522

Из общего числа окончивших командировано:

В ИНХ им. Плеханова — 595 чел.

„ Моск. горн. академию — 186 чел.

5. СОСТАВ СТУДЕНТОВ РАБФАКА ИМ. ПЛЕ

ХАНОВА С 1919 ГОДА ПО 1927 ГОД

Годы		Число студент.	Рабочих	Крест.	Прочих	Членов ВКП (б)	Членов ВЛКСМ	Б/п.	Мужчин
1919 г.	1 трим.	985							
	2 трим.	196		с в	е д	е н	и й	н е т	
	3 трим.	734							
1920/21 уч. г. .	дневн. отд.	343	227	3	113	82	19	242	
	в 0/0 0/0		66	1	33	24	5	71	
	веч. отд.	1 029	532	—	497	250	164	615	698
	в 0/0 0/0		52		48	24	16	60	68
1921/22 уч. г. .	дневн. отд.	628	478	95	55	154	82	392	489
	в 0/0 0/0		78	15	7	24	13	63	78
	веч. отд.	385	245	18	122	49	11	253	276
	в 0/0 0/0		64	5	31	13	3	66	72
								(72 нет свед.)	
1922/23 уч. г. .	дневн. отд.	654	542	54	58	194	94	366	491
	в 0/0 0/0		83	8	9	30	14	56	75
	веч. отд.	383	304	20	59	115	41	227	299
	в 0/0 0/0		79	5	16	30	11	59	78
1923/24 уч. г. .	дневн. отд.	672	549	72	51	220	123	329	511
	в 0/0 0/0		82	11	7	33	18	49	76
	веч. отд.	439	355	23	61	156	65	218	366
	в 0/0 0/0		81	5	14	35	15	50	83
1924/25 уч. г. .	дневн. отд.	441	354	51	36	163	150	128	350
	в 0/0 0/0		80	12	8	37	34	29	79
	веч. отд.	389	310	29	50	139	94	156	325
	в 0/0 0/0		80	7	13	26	34	40	83
1925/26 уч. г. .	дневн. отд.	524	346	154	24	136	240	148	446
	в 0/0 0/0		66	29	5	26	46	28	85
	веч. отд.	407	285	44	78	191	110	106	355
	в 0/0 0/0		70	11	19	48	27	25	87
1926/27 уч. г. .	дневн. отд.	488	294	146	48	208	193	87	425
	в 0/0 0/0		60	30	10	43	40	17	87
	веч. отд.	433	290	50	93	175	137	121	354
	в 0/0 0/0		67	12	21	40	32	28	82

Женщин	До 20 л.	От 20 до 25 лет	От 25 до 30 лет	30 лет и выше	Русск. нац.	Немцы	Латыши	Поляки	Татары	Литовцы	Евреи	Армяне	Др. нац.
					с в	е д	е н	и й	н е т				
331													
32													
139	281	238	65	44	517	1	10	4	1	1	91	3	—
22	45	38	10	7	82	0,2	1,6	0,6	0,2	0,2	15	0,6	—
109	157	120	60	48	356	—	5	—	1	4	17	—	2
28	41	31	16	12	92		1,5		0,3	1,1	4,5		0,6
163	269	264	86	35	540	1	11	3	—	1	91	—	7
25	41	40	13	6	83	0,1	1,5	0,3		0,1	14		1
84	132	118	84	49	327	1	8	5	—	—	39	—	3
22	35	31	22	12	85	0,3	2	1,7			10		1
161	259	286	106	21	546	—	13	3	—	2	93	1	14
24	38	43	16	3	81		2	0,5		0,3	14	0,2	2
73	117	154	113	55	385	3	7	2	—	—	32	3	7
17	27	35	26	12	88	0,8	1,5	0,4			7	0,8	1,5
91	42	257	111	31	347	2	5	3	1	3	61	1	18
21	9	58	25	8	79	0,5	1,1	0,6	0,1	0,6	14	0,1	4
64	41	182	111	55	322	4	3	3	1	3	37	2	14
17	10	47	29	14	83	1	0,8	0,8	0,3	0,8	9,5	0,6	3,4
78	81	316	109	18	424	3	4	—	1	4	28	2	58
15	15	60	21	4	81	0,6	0,8		0,2	0,8	5,2	0,4	11
51	35	192	134	46	344	2	2	3	1	2	37	2	14
13	9	47	33	11	85	0,4	0,4	0,6	0,2	0,4	9	0,4	3,6
63	125	288	67	8	430	2	1	—	—	3	23	5	24
13	25,5	59	14	1,5	88	0,4	0,2			0,6	4,8	1	5
79	62	226	121	24	376	1	3	2	2	1	42	1	5
18	14	52	28	6	87	0,2	0,6	0,4	0,4	0,2	10	0,2	1

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
А. Б. Халатов. Вместо предисловия	3
Биография тов. Артема	5
Приветствия к десятилетию рабфака	13
С. Шведов. Первые шаги рабочего факультета	16
К. Островитянов. Зарождение первого рабфака и „Сто- ловцы“	26
П. Юриков. Партия и рабфак	35
Рыбаков. Первые рабфаковцы	40
И. Голубков. Юбилейное	59
А. Дмитроченко. Студенческие организации на рабфаке	62
А. Столяров, Троицкая, В. Балакин, И. Григорян, Алексеева. Возникновение рабочего факультета	68
М. Сашенко. Профессиональная жизнь на рабфаке	82
Заболотская. Воспоминания педагога	83
И. Пономарев. Быт рабфаковца	87
В. Никитин. Рабфаковке	93
В. М. На рабфак	95
Одинцов. У истоков рабфака Артема	96
С. Зуев. Из воспоминаний рабфаковцев	99
П. Крикунов. Десятилетнему рабфаку	103
И. Соболев. Трудовой день рабфаковцев	105
Рабфак в цифрах	110

